

ПАМЯТЬ

СЕРДЦА

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЕРЧЕНЮ ИИХ АВТОРОВ

Керчь
2004

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

сборник произведений керченских авторов

посвящается

70-летию

освобождения

г. Керчи

от немецко-фашистских захватчиков

Керчь
2014

ББК – 84,5
П – 71 (Крым. - Рус.)

Литературно-художественное издание.
«Память сердца» Сборник произведений керченских
авторов. «КГЛито «Лира Боспора» - 2014 г., 124 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Храмкова Л.В.
Вдовенко А.Н.
Левченко Т.В.
Молодцов С.В.

Составитель сборника: Молодцова М.В.
Обложка: фотокомпозиция Молодцов С.В.
Фотоиллюстрации: фотоархив периода ВОВ и фото
современной Керчи.
вёрстка, макет, дизайн: Т. В. Левченко
стихотворение «Память сердца» на титульном листе –
автор: М. Молодцова

Издано по инициативе
Керченского творческого объединения
Союза русских писателей Восточного Крыма

ISBN 978-084-842-184-2

© «КГЛито «Лира Боспора» 2014 г.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Память сердца... Она живая.
Память сердца, - она кричит.
Память сердца, - не умирает.
Память сердца, - кровоточит.

Можно спутать лица и даты
И забыть ряд каких-то обид,
Но забыть фронтового солдата,
Что, спасая тебя, был убит,

Не позволит, ныне живущий,
Ни один седой фронтовик.
Не иссякнет для жизни грядущей,
Светлой памяти чистый родник.

Часть 1

УСТАМИ ПОЭТА

Лариса Алексеева

*Член Межнационального
союза писателей Крыма*

П а н т и к а п е й

Пантикапей.
Имя древнего города
ты не забудь.
Означает оно
Лишь одно – «Рыбный путь».
Пантикапей.
Ты удача и счастье
Рыбацких сетей,
Голубая мечта
Моряков всех морей.
Пантикапей.

Город морской.
Ты Боспорского царства
Столицею был.
Кто увидел тебя –
Никогда не забыл,
Город морской.
На твоих площадях –
Мореходы, купцы,
Храмы древних богов,
На террасах – дворцы.
Город морской.

Пантикапей.
Ты ведь братом Медеи
Основан давно,
Что достать помогла
Золотое руно.

Пантикапей.
Знал восстанья и войны,
Победам был рад.
И по этим дорогам
Ходил Митридат.
Пантикапей.

Город в веках.
Ты терял, находил
И дворцы возводил.
Ты удачливо жил,
Покупал и дарил.
Город в веках.
Твои чайки кружат
Над зелёной волной.
Через тысячи лет
Я люблюсь тобой,
Город в веках.

Пантикапей.
На твоих берегах
Все в душе – моряки.
Мы потомки твои
И твои земляки.
Пантикапей.
Ты традиции помнишь,
Свобода в крови.
Мы гордимся тобой,
Город вечной любви –
Пантикапей!

П о б е д а

Победа, победа, победа!
А в сердце шальная весна.
Над нами салют на полнеба,
Уходит навечно война.

Мир солнцем и счастьем искрится,
В сиреновой дымке дома.
Сияют улыбки на лицах,
Блестят на груди ордена.

Мы знали войну не по книжкам
И каждый сто раз умирал.
«Победа!» – кричали мальчишки
И плакал седой генерал.

К нам радость пришла в одночасье
Наградой в смертельной борьбе.
За жизнь, за любовь и за счастье
Спасибо, победа, тебе.

И трели в садах соловьиных
Выводят победную речь.
Да здравствует город любимый,
С Победой, красавица Керчь!

Б л и н д а ж и М и т р и д а т а

На израненных пулями скалах
Часовые над морем стоят –
Они знают о жизни немало,
Блиндажи на горе Митридат.

Блиндажи Митридата.
Видят вечные сны
Моряки и солдаты
Той далёкой войны.
Помнят май в сорок пятом
И военный парад.
Блиндажи Митридата
В карауле стоят.

И тюльпаны лежат на бетоне,
Здесь окончен геройский маршрут.
Как горящее сердце в ладонях,
В мае факелы люди несут.

Память в годы прессует минуты.
Песни Керчи летят за моря.
И победные наши салюты
Славой вечной над вами горят.

Вечерняя Керчь

Вечерняя Керчь,
Образ чайки, над морем парящей,
Готова зажечь
Фонари от волшебной свечи.
Вечерняя Керчь,
Ты «Вечернего Киева» слаще
И южная речь
Мягким говором в сердце звучит.

Седой Митридат
Сторожит твой покой до рассвета.
Конечно, он рад
Не войну, только мир увидеть.

Как без суеты
Отдыхает родная планета
И храмов кресты
Пьют из тёмных небес благодать.

Мой город родной,
Разве можно в тебя не влюбиться,
В разлуке с тобой
Сердце чувствует грусть и печаль.
И ветер морской
У керчанок блуждает в ресницах,
Зовёт за собой
В бесконечную звёздную даль.

Проходят века,
Мокнут в море рыбацкие сети,
Закат в облаках
Уже синею краскою смывает.
Волнует мотив
Тихим голосом тысячелетий
И, гордо застыв,
Твой грифон на колонне стоит.

Сиреневый джаз
Говорит о любви над волною,
Как яркий алмаз,
Южный город сверкает во мгле.
Ты место для встреч,
Бесконечно любима ты мною,
Вечерняя Керчь,
Лучший город на нашей Земле.

Елена Бондаренко

Член союза русских писателей
Восточного Крыма

* * *

Смахнув солёную слезу, старик вздыхает:
«Казалось, многое смогу –
ведь жизнь большая!
Но ускоряет время бег, в ладонях тает,
Согнули годы мой хребет
и дом ветшает...

Нет, не жалею ни о чём – я жил, как надо!
Был ранен на войне в плечо,
имел награды.
Трудился, не жалея сил, под синим небом.
Да что там, хоть кого спроси,
ленивым не был!

Старухи третий год уж нет,
земля ей пухом...
Хлебнула горя на сто лет:
война, разруха.
Душевной Марьюшка была –
всё к сердцу близко,
А перед смертью всё звала внука Бориску.

Единственный сыночек Влад
загинул в море...
Невестка высохла, ждала,
спилася с горя!
Внучка растили, как могли –
тянулись оба.

И с институтом помогли: далась учёба!

Нам «Жив, здоров» внучок писал,
«Целую, двести»,

А как-то летом приезжал
вдвоём с невестой!

С тех пор пропал на много лет –
точней, на восемь.

И вот вчера прислал конверт,
прощенья просит.

Женился, пишет, сын растёт,
привет огромный!

И нас с бабулей в гости ждёт
в свои хоромы...

Ещё в конверт вложил «банкнот»
американский:

Подарок, мол, на Новый год,
на стол с шампанским...»

В печальных выцветших глазах –
судьбе покорность.

Подарок внука мнёт в руках –
обида ль, гордость?

Вдруг, улыбнувшись паучку
на ветке клёна,

Сыпнул щепотку табачку
в «банкнот» зелёный.

Чебесная страница

В колодце степном, там где нимфы купаются,
Полночной порою звезда отражается.
В зелёной воде, средь собратьев изгнанница,
Сияет в ночи поднебесная страница.

Что ищешь ты здесь, в этом сумраке мокнущем?
Источник заброшен. Когда-то он мог ещё
Живою водой напоить жаждой мучимых
И в недрах его билась сила могучая.

Мигнула звезда и сорвалась отчаянно!
И, канув в колодце, навеки растаяла...
Но слабый родник, светом ярким разбуженный,
Рванул к небесам, над землёю, над лужами!

Рванул, что есть сил! И от ила очистился
И ожил родник, что в заброшенных числился!
Так свет из души залетевший нечаянно,
Прогнать не спеши, пробудись от отчаянья!

Согреет, спасёт всех заблудших и страждущих,
Свет яркой звезды в небе светлом и радужном.

Светлана Бурова

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

Г о р о д м о й

Будто войн никогда не бывало.
Плеском волн, бурной радостью чаек
Керчь, нарядная словно пред балом,
Вновь весеннее утро встречает.

А какие здесь громы гремели,
Кровь людская лилась, как водица,
Знать должны мы почти с колыбели,
Обо всех убиенных молиться.

Свойство помнить заложено в генах
По велению мудрой природы,
Чтоб не знавшие ужасов плена,
Цену истинной знали свободы.

Чтоб привыкшие к солнца сиянью
На экскурсии в каменоломнях
Содрогнулись от тьмы и страданья,
О которых и камни здесь помнят.

Чтоб лишь жаждою знаний томимы
Шли вперёд мы с мечтой о грядущем,
Но, назад оглянувшись, должны мы
Мир беречь, как подарок живущим.

От вражды, от грозы и от горя,
И от злых роковых испытаний.
Город мой в окружении моря,
Я желаю тебе процветанья!

Пусть приветливы будут здесь лица,
Лёд обид и сомнений растает.
Пусть навеки здесь мир воцарится
И под солнцем всем места хватает!

Сильнее смерти

Вдовам Великой Отечественной войны.

Война... Звучит так коротко, но резко
Мрачнеет свет и рушится вся жизнь.
В твоих руках дрожит его повестка.
Твой тихий плач, и тихое «держись».

И в давке сумасшедшего перрона
Последний поцелуй и зов колёс.
Твой крик, летящий вслед за эшелоном
И утонувший в горьком море слёз.

Тот день прощальный кажется вчерашним.
Забудешь ли когда-нибудь о том,
С каким тебя оцепененьем страшным
Впервые встретил опустевший дом:

Свидетели простого счастья – стены
И зеркало – жестокое стекло.
Была разлучница, но не было измены.
Была весна, но лето не пришло.

С тех пор, как похоронку получила,
В душе хозяйкой сделалась зима,
В монашеское платье облачила.
И голову покрыла седина.

И покатались дни привычно серо,
Как волны мелкой северной реки;
А ты между отчаяньем и верой
Ждала его, рассудку вопреки.

Назло смертям поверить в жизнь легко ли?
Он не придёт: зови иль не зови.
Но, может, там, где смерти нет и боли,
Он тоже ждёт и помнит о любви.

Алексей Вдовенко

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

2 2 и ю н я

Да, память есть у русского народа.
Такими создала нас мать-природа,
Скорей всего, себе же на беду.
И помним мы, не позабывши втуне,
Один кошмарно-длинный день в июне
В том, сорок первом, тягостном году.

Вот европейцы мудро поступили
Войну минувшую давно забыли:
Француз и немец вместе пьют вино.
И я б забыл... Но стонет, позабытый,
Мой дед, бесславно на войне убитый.
А где? И как? Узнать мне не дано...

П о г и б ш е м у п о д Э л ь т и г е н о м

Простой солдат поры военной,
О чём ты думал, уходя
В ночной десант у Эльтигена,
Когда прибой ревел, гудя?

Вздымалась серых волн гряда,
В лицо швыряя пены клочья.
Нет, ты не понимал тогда
Неповторимость этой ночи.

Была и жизнь не дорога,
Лишь только б до земли добраться,
Чтоб на смертельного врага
В атаке яростной подняться.

А я, – теперь ровесник твой,
Аккордам памяти внимаю
И, молча слушая прибой,
Неповторимость понимаю.

Я понимаю: на века
В народной памяти нетленной
Святой войны твоя строка –
Ночной десант у Эльтигена.

* * *

То ли город горит,
То ли отблеск заката.
Керчь со мной говорит
С высоты Митридата.

О сраженьях былых,
О тяжёлых утратах,
О бессмертных живых
И погибших солдатах.

Сколько вынести бед
Довелось в этом пекле!
Но не дрогнули, нет.
Только духом окрепли.

С о л д а т с к а я м а т ь

Потемнели от дождей ступени
Из простого камня-дикаря.
Захожу я в низенькие сени,
В сердце грусть о чём-то затая.

И о чём грустить? Не знаю, право.
Посреди спокойной тишины
На меня, с улыбкой, чуть лукавой,
Чьё-то фото смотрит со стены.

А навстречу женщина выходит,
Волосы седые, добрый взгляд,
И негромкий разговор заводит,
Запрокинув голову назад:

«Что ж ты так, сынок родимый, Слава,
Позабыл совсем седую мать.
Ах, ты мой шалун, солдатик бравый,
Столько лет себя заставил ждать».

Вдруг мне стало ясно, что случилось.
И я сразу вспомнил грусть свою.
Словно путник, встретивший немилость,
Робко опустился на скамью.

Как ей объяснить, что я – не Слава?
Не придёт с войны её солдат.
Угасают логики уставы
Перед вечной памятью утрат.

Ч е з а б ы в а й т е

малолетним узникам фашизма

посвящается...

Я маленькая девочка.
Я узница барака.
А над могилой – веточка
И нет другого знака.

Простая, неотважная,
Мой образ тих и светел.
Пусть в сердце – в сердце каждое
Стучит мой лёгкий пепел,

Судьба, такая кроткая,
Пускай набатом будит:
Про жизнь мою короткую
Не забывайте, люди!

Владимир Володин

*Член «Керченского городского
Литературного объединения
«Лири Боспора»*

М о я К е р ч ь

Где каменистый Митридат
Над вольной просинью пролива
Встал, как у знамени солдат,
Торжественно и горделиво,

Как будто прямо из воды,
Из белоснежной моря пены,
Раздвинув парки и сады,
Шагают в гору крыши, стены...

Полынный аромат степной
Вдоль улиц носит шалый ветер...
Здесь кажется, что стороной
Прошли все горести на свете.

Но на алеющий закат,
Как будто кровью залитые,
Со стен расстрелянных глядят
Глазницы выбоин пустые.

И факел Вечного огня
Горит, горит в молчанье строгом
На склоне нынешнего дня
Незаживающим ожогом.

Т и ш и н а

Тишина объяла всю округу.
Лишь невнятен лепет тополей,
Да, степенно кланяясь друг другу,
Шепчутся колосья средь полей.

Есть неуловимое значенье
В предзакатной этой тишине,
Вызвавшей тревоги ощущение
И печаль неясную во мне...

Ночь насторожилась где-то близко.
И прощальный алый солнца луч
Обагрывает грани обелиска,
Что взметнулся с набережных круч.

Вдруг я понял! Я нашел названье
Необъятной этой тишине:
Мир почтил минутою молчанья
Тех, кто отстоял его в войне.

С о н ф р о н т о в и к а

Нынче день по-праздничному солнечный.
Я надел парадный свой мундир.
Фронтowych друзей с сестричкой Сонечкой
В дом ко мне привел мой командир.

Помню, Соня, медсестрёнка милая,
Как из боя вынесла меня...
Благодарных слов достойной силы я
Не нашел до нынешнего дня.

Я щиплю гитару семиструнную
В том бою утраченной рукой...
Что же вы, друзья, такие юные?
Да и я сегодня молодой.

Выпьем же за встречу! Мы не виделись,
Почитай, уж шесть десятков лет.
Что не навестил, вы не обиделись?
Ведь могилой вам – весь белый свет...

Наливай, сержант, по полной кружке нам –
Фляга не записана в реестр.
И пройдемся в сквер, к театру Пушкина,
Где играет духовой оркестр.

К черту костыли! Ах, Соня! Сонечка...
Я с тобой танцую вальс-бостон.
А потом отпляшем лихо полечку,
Лишь бы не кончался этот сон!

Только б не кончался этот сон...

*В музее Великой
Отечественной войны*

Под холодным стеклом много медленных лет
Будто кем-то случайно забытый
Спит безвременным сном комсомольский билет.
Спит, жестокою пулей пробитый.

Юный воин его в блиндаже получал,
С торжеством, хоть и наспех немного.

Всю дорогу он сердцем билет ощущал.
Жаль, недолгой случилась дорога.

Я не знаю короче и ярче пути.
Он, как молнии высверк во мраке.
Им обоим судьбою судилось пройти
От окопа – до первой атаки.

Шёл в атаку билет, не страшась ничего,
Хоть в разрывах земля клокотала.
Ведь впервые под тонкой обложкой его
Настоящее сердце стучало...

И сегодня билету в тиши вновь и вновь
Та атака смертельная снится.
И вскипает горячая юная кровь
На его пожелтелых страницах.

Прогулка по Митридату

Я, вне определенных дат,
В часы печали или грусти,
Иду на гору Митридат,
Надеясь, что меня отпустят
Узлы сомнений и забот,
Те, что плетем из года в год.

Рядами стихотворных строк
Остались позади ступени.
Здесь, в царстве солнца и ветров,
Живут забытых предков тени;
Здесь, над просторами степей,
Спит вечным сном Пантикапей...

Воронками истерзан склон.
Дот немощен и жалок ныне.
Навеки онемевший, он
Порос ромашкой и полынью.
Невдалеке погребены
Герои – честь и боль страны.

Чтоб подвиг их не забывали,
Как меч, что к бою обнажен,
Здесь памятник сооружен
Из горьких керченских развалин.
А по краям трех серых скул
Три пушки встали в караул.

Чуть ниже, в зелени листвы,
Горой прикрытые от ветра
На фоне моря синевы
Каскады улиц в стиле «ретро».
И дух прадавней старины
Отмечен оспою войны...

Весь мой любимый косогор
Одет душистою травой.
Всегда он дарит мне простор
С небес и моря синевою.
(Меж ними вылез напоказ
Российский Северный Кавказ.)

Я лягу навзничь на траву,
Грудь напрягая полным вдохом,
Вдруг осознав, что я живу!

И, в общем, все не так уж плохо!
Я своему прозренью рад.
Спасибо, мудрый Митридат!

М о й г о р о д

Я становлюсь наивен и доверчив,
Когда, полынным ветром опьянен,
Блуждать пускаюсь улицами Керчи
И взглядом проникаю вглубь времен.

Пусть, молодясь, обличие меняет,
Но, утопая в зелени садов,
Старушка Керчь моя объединяет
Почти десяток древних городов.

Античные колонны, словно свечи,
Кургана зев и плечи крепостей...
В них дремлет эхо множества наречий,
Высоких чувств и низменных страстей.

Прошел мой город через муки ада
(Уж так ему судьбою суждено.),
То – лязг мечей, то – звуки канонады
И корабли, идущие на дно.

Бывая и руинами, и пеплом
(Чтоб не томиться вражеской уздой),
Керчь возродилась, выжила, окрепла
Теперь с геройской Золотой Звездой.

Листая город мой – преданий книгу,
Я, как в машине времени, плыву.
И каждому свершившемуся мигу
Признателен за то, что в нем живу.

Окраинами Керчь уходит в степи.
А может быть, приходит из степей
Сюда, где стонут якорные цепи,
Смирная нетерпенье кораблей.

По городам знакомым, незнакомым,
Куда б меня дороги ни вели,
Приехал в Керчь и чувствуется – дома,
На самом крайнем краешке земли.

И снова я наивен и доверчив.
И снова вольным ветром опьянен,
Блуждать пускаюсь улицами Керчи
И книгу перелистывать времен.

О д н а ж д ы в п о л е

Тучки – белые барашки,
Стадом к югу побрели.
Веет запахом ромашки,
Перекопанной земли...

Как не совестно кукушке
Куковать сто раз подряд? –
У разбитой нашей пушки
Вечный сон сморил ребят.

Лихо вырулил на пашню
Трактор, траками звеня.
А на нём – с крестами башня,
Да жестокая броня...

Не водить мне девок боле
В рощу, слушать соловья.
Двое нас осталось в поле:
Вот он – танк и вот он – я.

С головы сорвав повязку,
Под ракиновым кустом
Я вяжу гранаты в связку
Окровавленным бинтом.

Не завидую вражине
(Да и кто ж тому виной?):
Он погибнет на чужбине.
Я – в сторонущке родной.

А пока он прёт, надеясь
Всю Россию покорить,
Я под солнышком согреюсь
И успею докурить.

*Ф р о н т о в ы м
к и н о о п е р а т о р а м*

Кажется, так давно,
Будто в седых веках,
Кто-то снимал кино,
Камеру сжав в руках,

Под пулевую трель,
В самый жестокий бой,
В ливень, в жару, в метель
Камеру нес с собой.

Миг превращая в час,
В год или даже в век,
Сам погибая, спас
Камеру человек,

Чтобы за толщей лет
Тем, кто войны не знал,
Мирного неба цвет
Много дороже стал,

Чтоб нашей цели быть
Ясною, как рассвет:
Мир на земле крепить –
Дела важнее нет!

День освобождения

Треплет ветер алые знамена.
Не жалеют силы трубачи.
К нам пришел, в сражениях рожденный,
День освобождения Керчи.

Где когда-то взрывы гроыхали,
Встретились тбилисцы, москвичи,
Киевляне – все, кто отстояли
День освобождения Керчи.

Город скорбной памятью охвачен.
Ранеными стенами кричит:
«Помните, какой ценой оплачен
День освобождения Керчи!»

Ты остановись у обелиска.
Слов не надо. Просто помолчи.
И хотя бы мысленно, но низко
Поклонись защитникам Керчи.

Треплет ветер алые знамена.
Не жалейте силы, трубачи!
К нам пришел, в сражениях рожденный,
День освобождения Керчи.

Виктор Запорожец

*Член «Керченского городского
Литературного объединения
«Лира Боспора»*

Двадцать второе июня

– Тише... Прислушайся...
Вроде, опять
кто-то табун
ранней зорькой тревожит.
Кони траву
перестали щипать.
Старый рысак
что-то вспомнить не может.
Видишь?
В болото упала звезда.
Нет: не звезда –
догорает ракета.
Что это?.. Гул?..
Небо в чёрных крестах!
Первое утро
военного лета.
Залпы заухали
там, за рекой.
Видишь?
Пылает наша деревня!
Что это?
С неба.
Пронзительный вой...
Что это?
Что?
Я не слышу ответа!

Баллада Аджимушкайских каменоломен

Здесь темно. Здесь зарёй не осветятся надписи
и весенние воды не смоют со стен седину.
Но от стука сердец просыпаются камни
и поют: про войну, про войну, про войну,
про советских героев подземного лагеря,
защитивших Отчизну в неравных боях,
и про стоны, которые в раненых замерли,
и про холод, и голод, и жажду в глазах.

И от памяти этой Земля содрогается,
будто взрывы опять нарушают её тишину,
и погибшие воины вновь поднимаются,
и поют: про войну, про войну, про войну.
И вдали появляются искорки пламени,
расцветают знамёнами Огненных Лет.
Силуэты бойцов превращаются в Памятник,
в Монумент наших Славных, Великих Побед.

Хирургам Великой Отечественной войны

Халат в крови, но смены больше нет.
Устали руки. Ломит поясница.
Мелькают изувеченные лица.
На ощупь раны, когда гаснет свет.
Слезятся воспалённые глаза.
Ему бы на минуточку забыться,
но чьё-то сердце перестанет биться.
И он творит руками чудеса.

А за палаткой не смолкает бой.
А Красный Крест осколками пробитый.
Расслабишься – и не совсем убитый
через минуту будет неживой.
Но скоро успокоит битву ночь.
Ему б на миг забыться и заснуть бы...
Но чуда ждут израненные судьбы...
А он... не может... людям... не помочь.

Диалог в темноте

- Мама! Мама! Скажи: почему так темно?!
- Свечи кончились, детка, последние свечи.
- Сделай так, чтоб в подвале светилось окно!
- Вечер, детка, на улице... пасмурный вечер.
- Мы давно без огня... и не видели дня!
- Потерпи! как-нибудь... доживём... и без света.
- Отчего в подземелье... ты прячешь меня?
- От чего?.. От войны... Ты не думай об этом.
- Но прислушайся!.. Там, наверху, тишина.
- Может быть, на Земле... никого не осталось.
- Но, ведь, кто-то же знал: что такое война?!
- Понимали, но многим... жизнь вечной казалась.
- Мама! Мама! Открой! непослушную дверь.
- Я... пыталась. Отсюда... не выйдешь... теперь.

О ж и д а н и е

Нет, не туманы за плечами,
а седина
мерцает зимними ручьями.
Одна?.. Одна.
И домик – вовсе не копилка –

жильё вдовы.
А до войны любилося пылко –
поймите, вы.
Но в списках:
без вести пропавший!
Убит ли – нет?
Какими муками страдавший?
Кто? даст ответ!
В надежде... ожиданья годы –
как вечный лёд.
Свет окон... в мраке непогоды –
придёт... придёт...

Маки

Буйно маки зацвели
в ранах Матушки Земли,
красят лепестками
памятные камни.
Здесь в лихие времена
смертью тешилась война
через ненависть и зло –
сколько люду полегло!
Сколько мучилось калек,
проклиная адский век...
Ах! Война. Война. Война –
подлой зависти вина.
Неужели чья-то рать
будет нашу жизнь топтать?!
Неужели вместо сева
прорастут осколки гнева?!
Неужели в горе мать

будет сына поминать,
честно павшего в бою
за сторонущку свою?..
Снова маки зацвели
в мирной, солнечной дали...
Ты цветы не рви в букет!
Маки – кровь военных лет.

Д е т и в о й н ы

У дверей послышалось мне: «Витя!»
и бряцанье маминых ключей...
Жалко, что глаза давно не видят
детство из осколков мелочей:
окна в углубленьях тротуара
с мельтешеньем ног над эхом плит,
вдов солдатских в трауре муара,
уходящих к Богу от обид,
в половодья – в стёклах муть – потопов,
пацанов – воюющих в игре,
защищённых шрамами окопов,
оспины воронок – на горе.
Там... мы жгли костры седой полыни,
чтоб запечь картошины в золе,
ели хлеб, макая в млечный иней,
и мечтали об иной Земле,
о такой, где будут все счастливы,
без обманов, зависти и бед,
где земляне будут справедливы,
где исчезнет фанатичный бред,
где поймут, что бойнями на свете
не решить конфликтов бранный пыл...

Мировой... второй... родные дети
выжили у воинских могил...
Ваши фантастичные надежды
не успел казнить кошмар войны.
И в награду... ангелы... одежды
шьют вам... из небесной... тишины.

М у д р о с т ь

Мне надоели шум и суета
военной гонкой загнанного Мира.
Мне хочется уйти в дремучие леса,
жить скромно и неторопливо,
по капле собирать жемчужины росы,
смотреть на солнце сквозь листву густую,
и собирать целебные цветы,
и птиц дразнить, и песню петь простую.
За древней книгой с ломкими листьями
в седой пещере молча восседать,
лампадой освещённой тёплыми лучами,
предания читать и мудрость познавать.
Молить Богов о том, что нас тревожит.
Всё знать и убеждать неведомых гостей,
что только миром Мир проверить может
реальность исторических идей.

Вера Коваль

*Член «Керченского городского
Литературного объединения
«Лира Боспора»*

Раны Аджимушкая

Трагических мест на земле немало.
Не обошла война нас стороной.
И ей, злодейке, места не хватало.
Пришла бедой незваной в край родной.

Разрушив город весь до основанья,
Фашисты заняли Аджимушкой.
Не помогли мольбы и заклинанья.
И был здесь ад, где был когда-то рай.

На человеческие судьбы, жизни,
Валились с неба бомбы, словно град.
В воронки превращая степь отчизны.
Земля пылала жутко; дым и смрад, –

Таким запомнился отцам посёлок.
И в каждом рве – трагический исход.
Об этом знает здесь любой ребёнок.
И в этих «ямках» лишь трава растёт.

Мне эти рвы напоминают раны.
Незаживающие раны, стон...
Здесь столько раз происходили драмы:
Гражданской и Отечественной войн...

Мы к этим рвам цветы приносим в мае-
К могилам павших-горечи полны:
Мы знаем: это так ничтожно мало
За наши годы жизни без войны.

Пётр Котельников

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

С кровавых полей

С кровавых полей
И от павших твердынь,
Живых немного возвращалось.
Вернулся с телом ты один,
А там душа осталась.

Все ждали, вот наступит срок,
Душа твоя вернётся?
Но тяжёк у войны урок,
Рок над тобой смеётся.

Ушёл один, пришёл другой.
Война – ваятель странный.
Ты, вроде, целый шёл домой,
Пришёл с душевной раной.

Прошло уже немало лет,
Она не затянулась.
И до сих пор ответа нет –
Душа к тебе вернулась?

Юлия Котлер

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

В о й н а

Война. Всего пять букв, но бездна боли
За этим словом кроется, садня.
Война-не то, что изучают в школе,
А колокол, исполненный огня.

Найдётся ли семья, судьба и город,
Которых не коснулась бы война?
Из океана слёз по капле горя –
Всё пережито, выпито до дна.

Сменились поколения и нравы,
Но не проходит мода на любовь.
А в ней есть место памяти и право
Чтить за Победу пролитую кровь.

Горьки уроки неизбежной правды:
Вперёд, неумолимо, мчат часы.
Но в День Победы прадеда награды
Рассматривает с гордостью мой сын.

А значит, есть надежда, что в грядущем
Не оборвётся поколений нить,
Роднящая не дремлющие души,
Чтоб память о героях сохранить.

Живущие под синим мирным небом,
Не знающие взрывов и руин
Обязаны бесспорно каждым нервом
Прочувствовать свободы сладкий гимн.

И жить за павших, подвиг совершивших,
В грядущее, как в зеркало смотря,
Чтоб доказать своей бесценной жизнью
Что было всё свершённое не зря!

П о м н и т е

Погибшим в Багеровском рву.

Я призываю помнить, помнить вечно
Истории чудовищный урок,
Чтобы топор не вырубил беспечно
Того, что кровью вывело перо.

На карте горя есть большие страны:
Освенцим, Бабий яр, погромов гром.
Чужими не бывают чьи-то раны.
Но есть ещё и Багеровский ров.

Здесь в страшном, чёрном, пепельном круженье,
Вину безвинных в чём-то углядев,
Казнили ни за что детей и женщин,
Мужей и старцев, юношей и дев.

Безлико зло, но имя скорби – Вечность.
Деревья здесь, склонившись, чуть дыша,
Ветвями образуя семисвечник,
Прозрачной болью памяти дрожат.

Живою, грустной, памятной молитвой
Сливаясь с тусклым проблеском лучей,
Осенние трепещущие листья,
Как огоньки негаснущих свечей.

Всем людям память, как благословенье.
Напоминанье тяжелей оков.
Чтоб не свершить грядущим поколениям
Кровавых преступлений и грехов.

Спасая человека – мир спасаешь.
А убивая – губишь целый мир.
Так будем же пред Божьими глазами
Творениями светлыми – людьми!

М о е й К е р ч и

Словно радуга разноцветная,
Многоликая, многодетная.
Вдохновенье моё и бессонница.
Кожи разные, веры разные,
Дни погожие и ненастные.
Были солнца смех и печаль ветров.
Ты живёшь уже двадцать шесть веков!

Татьяна Левченко

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

Осколок войны

На Митридате, мрачно отдалённый,
Заброшенный, загаженный, пустой,
Войны осколок – старый дот бетонный –
Зарыл свои глазницы в травостой.

Косится хмуро он на мирный город,
Неся собой напоминание ему
О той поре, когда он, в спеси гордой,
Владычествовал – в прошлую войну.

Толсты его исписанные стены,
Следы гранатных взрывов он хранит,
Угрюмый, в одиночестве надменном,
Но никому не страшный монолит.

Пред его взором город возрождённый
Живёт бурливой мирной суетой.
А он, непобедимый, – побеждённый,
Заброшенный, загаженный, пустой.

А за его спиной, лицом к восходу,
Лицом к проливу, прямо в солнца диск
Стрелой вознёсся памятник народный –
Мечом, войну пресёкшим, – Обелиск.

А рядом полыхает над вершиной
Огонь народной памяти о том,
Чтоб никогда глазницы не ожили
В бетонном этом логове пустом.

Я боюсь

поэма

*«Вспомним всех поимённо.
Горем вспомним своим.
Это нужно — не мёртвым
Это надо — живым».*
Р. Рождественский

ВСТУПЛЕНИЕ

С давних лет я спорила с этими строками мысленно. И уверена, что права: павшим тоже нужна наша память. Но не только торжественно-красивые слова. Телами павшие, остаются они навечно живы — с живыми. Живы Памятью их, а не речами лживыми.

Если Память слабеет, — для живых не приметно, — павшие сразу чувствуют это, становясь слабее в поддержке поколению грядущему. Они видят в бес-памятстве угрозу будущему. Угрозу разброда, исчезновения тех, кто вместе — в веках. И тогда — не мистика, не наваждение — приходит страх...

1

Я боюсь спускаться в каменоломни Аджимушкая. Боюсь. И этого не скрываю. Боюсь, что тех, кого — помним — встречу там. И узнаю...

Время взорвётся за мою спиной... время взорвётся — и я останусь в сороковых... в каменоломнях...

И надо будет ответ держать, под взглядами, что страшней направленного оружия:

– Зачем ты здесь, утерявшая Память? Что тебе нужно?

– Мы помним вас! Помним всех поимённо! – под сводами закопченными излишний пафос прозвучит похоронно.

– Помните? А в чём она – память ваша? В этих красивых словах? В оскорблённых могилах павших? В том, что там – наверху и в будущем – воплотили в камне наш прах, и сами же камень тот рушите?

Что сказать? Да и смею ли я отвечать, коль уже озираюсь растерянно, в поисках выхода: через Время, сквозь камень – бежать! Пока дорога к себе не потеряна. Чтоб не видеть, не слышать, не испытать – никогда, никогда!

А вослед – единый, слившийся взгляд, осуждающий и слова:

– Да что ещё тут рассуждать... Пойдёмте, товарищи!

А вослед – ручонки с пальчиками тоненькими, как спички и, губами, спёкшимися от жажды, шёпот:

– Ты принесла водички... правда?...

.....

Я боюсь спускаться в каменоломни.

Боюсь.

Это – страх. Это – стыд. Это – совесть горячей волною, а не трусости гнусь.

2

Я боюсь отдыхать на пляжах Эльтигена.

Не потому, что страшусь снарядов неразорвав-

шихся.

Там навстречу мне поднимаются тени десантников, на песке оставшихся.

Глядят на пляжницу с усмешкой обидной:

– Что делаешь здесь ты – из мира? Видишь: бой, за трупами моря не видно... А ты разнежилась, бесишься с жиру.

И встают, встают из войны пожарища, под взрывов грохот, под рёв волны...

– Ты, вот что, похорони наших товарищей, пока мы твой мир отвоёвываем. А то... кто после вспомнит об этих, павших...

– Мы помним вас! Помним всех поимённо!

– В самом деле? – в словах ирония и взгляд удивлённый. Поёжился зябко, в промокшем бушлате. И вдруг сказал тихо, и словно бы виновато: – Ты знаешь, война – это очень страшно...

– Но вы же храбрые! Поколение целое... А впрочем, от страха и я становлюсь до ужаса смелая...

В ответ – усмешка:

– Что ж, это не редко: боишься – не трусишь – внезапно такая возьмёт досада!... – и, между прочим, но будто вручил награду: – Пожалуй, я взял бы тебя в разведку... – А взгляд – отрешённо-тревожным светом: – Но только страшней, что потом – забудут: поставят памятники повсюду и Памятью называть станут это...

.....

Он рванулся в бой, ещё до начала его, измождённый. Бросив лишь напоследок простое: «Будь!»

А я осталась слушать июньско-ноябрьский

прибой, и перед ним, и перед собой – побеждённой.

А волны кричали, исправленное прибоем:
«Не забудь!»

3

Я люблю подниматься на склон Митридата.

Здесь – Знамя победное водружают. Здесь –
весёлые моряки, балагурящие солдаты со всех
сторон меня окружают. Выстрелы в воздух –
радостными раскатами.

– Ты из мира?

– Здорово!

– Ну, как там вы?

– А это что же, чуть в стороне полыхает?
Неуж-то пожар через время катится? Вечный
Огонь? Памяти?... – кто-то вздыхает: – Уж не
по нас ли, ребята? Доведётся ли возвратиться?...

– Да брось ты! Вернёмся! Вот Берлин возь-
мём... Скажи, из мира, дойдём?

– Конечно, дойдёте!

– Я ж говорю – дойдём! А после – вернёмся. Под солнцем, иль под дождём. И может, сами этот Огонь и зажжём, как живое знамя – в Вечную Память...

– Значит, дойдём, говоришь? Ну, ладно, бывай, старуха! Сколько ещё до Победы боёв и пожарищ... А вы тут работайте: вишь, какая разруха. Ты только... запомни: и этот час, и эти израненные знамёна...

– Мы помним вас! Помним всех поимённо!

– Ох, сестрёнка! Только не надо – так! Эти слова – для парада. На мне – гимнастёрка – не чёрный фрак... Но, дай Бог, чтобы это была правда!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И я осталась с Городом один-на-один. У нас с ним связи – больше, чем кровные.

Поднимаю взглядом здания из руин, ломаю, выстраиваю новые... Спускаюсь по лестнице и, уже у Предтечи, вновь – знакомый, мирный гул вокруг. Ещё ошеломлённая случившейся встречей, слышу тихий, с хрипотцой, Города голос вдруг:

– Ну, что, поглядела? Теперь не будешь бояться?

– Буду!

– Разве есть, чего ещё тебе надо страшиться?!

Есть, Город, есть... И не стыдно признаться: я всегда, бесконечно буду бояться, чтобы этому – не повториться...

Владимир Лось

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

Вечный пламень

Сюда приходят ветераны:
Так память и сердца велят.
Ещё залечивает раны
Травой зелёною земля.

Ещё вздыхает ночью море
До самой утренней зари...
Когда взойдёшь на эту гору,
Остановись и посмотри.

Весь Митридат в окопах плотных,
Перепоясан ими так,
Как будто лентой пулемётной
В атаку рвущийся моряк.

Аджимушкой держал за горло,
И враг от злости сатанел.
Нет, время в памяти не стёрло
Величия минувших дел!

На камне камня не осталось,
Где бушевал железный смерч,
Но всё растёт, забыв про старость,
Неумирающая Керчь.

Наш город скромн и неярк,
Но нет родней его земли.
Горят огни электросварок,
Плывут к причалу корабли.

И Митридата вечный пламень
Живым дыханием своим,
Как совесть павших наше знамя,
Сквозь время путь укажет им.

О т ц о в с к и е д о р о г и

Мой отец всю жизнь крутил баранку.
Я припоминаю с давних лет:
Уходил в гараж он спозаранку,
Часто забывая про обед.
Взяв в попутчики упрямый ветер,
Шар земной и вдоль, и поперёк
Чётко параллелями разметил
И меридианами рассёк.
Он в войну доехал до Берлина
Сквозь пожары и смертей прицел.
Рвались под товарищами мины,
И отец мой чудом уцелел.
Я взрослел. И часто так случалось:
Он в поездки брал меня с собой,
Я включал четвёртую и мчался
Сквозь упругий ветер лобовой.
В этом было что-то от полёта.
Пел мотор на ноте басовой,
И земля ложилась под колёса
Бесконечной взлётной полосой.

А потом короткая ночёвка
Где-нибудь на сене, на лугу;
И тогда казалось мне в потёмках,
Что до звёзд доехать я могу.
... Были в жизни радости и горести.
Стать шофёром так я и не смог,
Но тоскую по четвёртой скорости
И о взлётных полосах дорог.

М о р с к а я д у ш а

Здесь до моря всего лишь метры,
И, солёные брызги стеля,
Меж домами гуляют ветры,
Как над палубой корабля.

Много видел он в жизни трудной –
Страж, стоящий у двух морей,
Был он греческим древним судном
И линкором военных дней.

Над проливом заря, как знамя.
Прорываясь сквозь толщу лет,
Полыхает сражений пламя
И победных салютов свет.

Раны старые заживают,
День грядущий принять готов,
Город будит, на труд сзывая,
Металлургов и рыбаков.

В море сейнеры провожает,
Машет им платками аллея...
Город славы! Душа морская
Под рабочей робой твоей.

Дует ветер, тугой и свежий,
И над городом-кораблём
Чайки воздух неспешно режут,
Задевая волну крылом.

Г о р о д з а с ы п а е т

Наплывают сумерки на город,
Свет дневной желая превозмочь.
Древний город, он как прежде молод,
Пусть ему приснятся в эту ночь

Облаков изменчивые стайки,
Голубей над крышами полёт.
Над водой стремительные чайки,
Праздничный на улицах народ,

Горизонты дней без канонады,
Белые акации в цвету,
Мирные военные парады,
Тополей ряды, как на посту.

Довелось ему простым солдатом
Отражать жестокого врага;
И с тех пор Звезда над Митридатом
Зорко охраняет берега.

Думами о будущем овеян
И ветрами с моря освежён,
Неподвластен бедам-буревеям,
Засыпает потихоньку он.

Засыпают улицы, бульвары,
Не трепещут флаги в тишине...
Пусть ему не грезятся кошмары,
Пусть он видит солнце и во сне.

С е р д ц е с о л д а т а

В безбрежность двери открываю.
Степные ритмы так легки!
Они в меня перетекают,
Как струи солнечной реки.
О, необъемлемость мгновений,
Как жизни всей круговорот!
Я ухожу от треволнений
И отрекаюсь от забот.
Я постигаю суть иную,
Когда, на первый взгляд пусты,
Возносят к свету жизнь земную
Земли глубинные пласты.
Как откровение земное,
Под лёгким током ветерка
Огнём горячим над травой
Тюльпан колышется слегка.
Он то замрёт, то вновь качнётся,
Как будто это до сих пор
Того солдата сердце бьётся,
Что здесь упал на косогор.

Марина Молоцова

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

О д а К е р ч и

За что люблю я город свой?
За то, что солнце светит ярко
Что древний он и молодой,
За тень его аллей и парков,
За синюю морскую гладь,
За ширь степей и высь курганов,
Готова душу я отдать,
Любить его не перестану.
Не экзотичен милый край,
Но сердцу, сердцу не прикажешь...
Ты помнишь тот победный Май?
Мой город помнит и расскажет,
Как молча кровью истекал
В том горестном, в том 41-ом,
Как шёл к нему десантный вал
И у врагов сдавали нервы.
Как он оружие ковал
И всё-на фронт, всё-для Победы,
Жестоких битв стальной накал-
Всё испытал он, всё изведал.
Живи веками, город мой,
Сильнее становись и краше!
Мой город-труженик, Герой –
Любовь, надежда, счастье наше!

П о б е д а

Победа!
Высокую цену страна за неё заплатила.
За то, чтобы небо искрилось,
и солнце над миром светило.
Мы строим, печалимся, любим,
растём и...живём, одним словом,
Но помните, помните, люди,
о времени страшном, суровом;
О пепле шуршащих пожарищ;
о ветре, пропитанном кровью,
Как ночи дежурил товарищ,
склонясь к твоему изголовью.
Как отблески пламени смерти
в глазёнках недетских застыли.
Проверьте же, люди, проверьте, –
неужто вы это забыли?
О, помните! Всех заклинаю.
О павших скорбите, живые.
О, помните! Вас призываю
на помощь, страдальцы немые.
Курганы и степи, и море, –
веками печаль вы храните.
Вы видели слёзы и горе
и радость Победы в зените.
Кричите нам, людям, кричите.
Уснувшую память будите.
Стучите к нам в сердце, стучите –
все те, что застыли в граните!

Свет Аджимушкая

Прислушайся!
Услышишь голоса.
Вглядишься в тьму, –
высвечиваешь лица.
Мгновенье, –
и ты видишь их глаза,
Они стремятся
в наших отразиться.
Их жгучий свет
идёт издалека,
И память
пробуждается людская,
Чтоб поколениям
нести через века
Печаль и боль,
и свет Аджимушкая.

День рождения

Дождь и ночь. А мне не спится.
Наступило третье декабря...
...Повезло мне на Земле родиться
В тусклом свете лампы-фонаря.

Назывался он «летучей мышью»,
Освещал убогий наш уют,
Дом, который был ещё без крыши,
Где семья нашла себе приют.

Крылатые наши Икары,
Бесстрашья, отваги полны,
Как сталь, закалённые парни, –
Достойной Отчизны сыны.

И женщины были крылаты,
На равных держались в бою.
Пилоты, матросы, солдаты, –
Вы гибли за землю свою.

А те, кто как Феникс из пепла,
Пройдя сквозь пожарища ад,
Душой закалились, окрепли –
Живым обелиском стоят.

Хоть годы в сединах искрятся,
Но крылья не сложены. Нет!
Сплочённое лётное братство,
Желаю вам новых побед!

Участникам Керченско - Феодосийского десанта

Представить
 этот ужас не сумею
И вообразить
 себе не в силах:
Как в воду прыгать,
 плавать не умея?
Представишь –
 кровь застынет в жилах.
Но был приказ:
 «Форсировать пролив

И закрепиться
на прибрежной суше!»
И с катеров
лавиной шли в прорыв
Или на небо
золотые души.
О, сколько тайн
хранит морской простор,
Который принял
катера десантников!
Декабрьский шторм
им руки распростёр, –
Здесь испытания
не для романтиков...
Но враг бежит,
застигнутый врасплох.
Для сорок первого, –
вдруг наступление!
Хоть полуостров
от стрельбы оглох,
Но городу –
освобождение!
Надежда есть, –
Победа к нам придёт!
И Крымский фронт
на отдалении...
Лишь сорок пятый
мир всем принесёт,
Но до него –
великое сражение.

Леонид Панин

*Член «Керченского городского
Литературного объединения
«Лира Боспора»*

Героям Керчи

В жестокой мгле среди седых камней
От жажды и от голода сгорая,
Остался верным родине своей
Непокорённый гарнизон Аджимушкая

Ревело пламя «Огненной земли»,
Волна кипела и на дно бросала,
И, красная от пролитой крови,
О берег пенный билась и стонала.

Бойцы вели с врагом неравный бой
Стояли насмерть, гибли, не сдавались,
Примером мужества и стойкости людской.
Они все в памяти моей навек остались.

Кокорин, Белик, Джорбенадзе, Ягунов,
Петрова, Руднева, Сипягин, Дудник, Доев,
Алиев, Шумский, Нестеров, Петров...
Всего бойцов – сто тридцать семь героев!

Голос минувшей войны

«...Я умер много лет назад.
Испепеленный Митридат
Надолго стал моей могилой
И на вершине молчаливой
Меня в земле похоронил.

И прах мой бережно хранил
На высоте в тиши туманной,
В сырой могиле безымянной,
Поросшей горькою травой,
Где синеву огонь святой
Прожег зарею первозданной.
Я много лет тому назад.
Был похоронен без наград,
Без слез, без почестей, без слов
Без панихиды и цветов.
Я на вершине был убит
Среди полыни и гранита...»
Никто не может быть забыт,
Ничто не может быть забыто...

Г о р о д - г е р о й

Мой город Керчь, мой вечный город славный,
Ты видел кровь, жестокие бои...
Спустя года, сегодня праздник главный
Опять пришел на улицы твои.

Ты, как всегда, годами не стареешь
И расцветает прямо на глазах,
Ты каждый день растешь и молодеешь
И утопаешь в белых парусах!

Я тем горжусь, и радости не скрою,
И в сердце мне навек дано сберечь,
Что я родился в городе-герое,
Который носит имя: город Керчь!

Е щ ё н е к о н ч и л а с ь в о й н а

При реконструкции мемориала на Митридат-горе строители обнаружили в земле на небольшой глубине останки неизвестного советского бойца, погибшего в годы Великой Отечественной войны при освобождении города-героя Керчи.

Война до сих пор дает о себе знать, война еще не закончилась...

Стальной грозой война отпыхала
И стороной на запад унеслась,
Старушка-мать сыночка ожидала,
Ждала с войны, и так не дождалась.

Ни письмаца, ни слова, ни полстрочки...
Не знала мать, что в яростном бою
Умчалась в рай душа ее сыночка,
Который пал за родину свою.

Война бойцам отмерила немного
И миллионы жизней унесла.
Погиб солдат у самого порога,
Где мать его растила и ждала.

И много лет уж с той поры минуло,
И затянулись раны на земле,
Как вдруг, ожив, опять война вздохнула,
Напоминая снова о себе.

В сырой земле седого Митридата,
Где смерть однажды вихрем пронеслась,
Лежал боец, которого когда-то
Старушка-мать с войны не дождалась.

Могилой стали камни на вершине
Солдату, павшем в яростном бою –
Лежал солдат средь горечи полыни,
Отдавший жизнь за родину свою

Горит огонь седого Митридата
И годы мирным ветром пронеслись,
И обелиск хранит покой солдата,
Который здесь свою оставил жизнь.

Еще не стерлись памятные даты
И время нам стучит издалека,
Пока лежат в сырой земле солдаты –
Война еще не кончилась пока...

На вершине Митридата

На вершине Митридата
Смотрят пушки с трёх сторон –
В честь советского солдата
Обелиск сооружён.

На вершине Митридата
В тишине седой скалы
Охраняют сон солдата
Орудийные стволы.

На вершине Митридата
В свете Вечного огня
Призрак павшего солдата
Грусть наводит на меня.

На вершине Митридата
Дань погибшим воздают –
В честь матроса и солдата
Разрывает ночь салют!

Без вести пропавший

Похоронку мать не получила,
Сын с войны ни строчки не прислал...
Почтальон ей весточку вручила,
Сообщила – без вести пропал.

Молча, слёзы горькие глотая
Не один десяток долгих лет,
Ожидала сына мать седая,
В час ночной и в утренний рассвет.

Прочитала мать в статье солдатской,
И на сердце сделалось больней,
Что вдали, в одной могиле братской.
Похоронен был боец Андрей.

Сын едва у матери родился,
Мать его Андреем назвала:
«Это мой сыночек объявился!
Наконец, сыночка я нашла!»

Там лежал боец, геройски павший,
С фронта не вернувшийся домой,
После боя без вести пропавший –
Сын какой-то матери другой...

Шелестят листвою вокруг берёзы,
И, вернувшись к памяти своей,
На седой гранит роняют слёзы
Пять осиротевших матерей.

Без вести пропавшие бойцы –
Сыновья и деды, и отцы!
Сколько вас лежит в земле сырой,
Так и не вернувшихся домой?

П е л о х р а н и т е л ь

Жена родного мужа обняла,
Когда его на службу провожала,
Латунный крест с груди своей сняла
И на груди супругу повязала.

Чтоб муж надёжно Родине служил
И чтобы вдруг в пути не оступился,
Чтоб крестик тело мужнино хранил,
И чтоб живой до дому возвратился.

Война стальными грозами окрест,
Сверкала, полыхала и гремела,
И спас солдата православный крест,
Что женщина на грудь ему надела.

Солдат с войны вернулся в отчий дом –
Награды в три ряда на гимнастёрке,
А на груди, израненной огнем,
Висел на нитке крест полуистертый.

Через огонь, пожары, черный дым
Прошел солдат путем дороги славной
Назло смертям остался он живым...
Телохранитель – крестик православный.

Факела над Керчью

Роняет свет огонь святой
И зажигаются в ночи
Огни израненной Керчи.
На Митридат издалека
Течет горящая река,
Пылают тысячи огней
В руках сынов и дочерей.

Давно померк войны закат –
Спит опалённый Митридат,
Среди курганов и полей
И серебристых ковылей.
Не вспыхнет больше над горой
И никогда не грянет бой,
И не устанет больше мать
Родного сына с фронта ждать.

Под седовласою горой
Сегодня, в мирный час ночной,
Надев торжественный наряд,
Колонны выстроились в ряд.
Огни на портике зажглись
И пламя вдруг взметнулось ввысь!
Пора весенняя пришла –
Горят над Керчью факела!

Штрафникам не давали наград

Во время Эльтигенской десантной операции 1 ноября 1943 года, группа из 18 штрафников 613 отдельной роты 386 штрафного батальона, высадившись в районе поселка Эльтиген. Бойцы со своим командиром лейтенантом Шумским до последнего героически удерживали небольшую высоту, и все полегли там, как неизвестные бойцы! Никто из них не был удостоен за этот их подвиг правительственных наград! Никто! Только 18 тополей, посаженных рядом с высоткой, – вот та награда за героизм этих бойцов.

Выдвигались в атаку полки
И сверкали огнем артналёты,
Шли вперёд на врага штрафники,
Шли на мины и на пулемёты.
Как в пылающий, огненный ад,
Штрафники свои души бросали –
Штрафникам не давали наград,
Их на верную смерть посылали.

С боем взять высоту в этот раз
Был отмерен им срок до заката –
Это был командирский приказ,
Значит, выбора нет у штрафбата
Как до цели живым добежать
В окружении огненных ветров,
И любую ценой удержать
Эти несколько проклятых метров?

Отразили шестнадцать атак
Восемнадцать бойцов из штрафбата,
И не выдержал сломленный враг
Слов отборного русского мата.

И в жестоком, неравном бою
Они честно свой срок отслужили –
Защитили Отчизну свою
И десятки врагов положили.

Смело выдержав огненный град,
На позиции насмерть стояли.
Штрафникам не давали наград,
Их в бою умереть посылали.
На краю опалённой земли,
в окруженье войны окаянной,
Все бойцы, как один полегли,
Наверху высоты безымянной

Был окончен последний парад,
Дни сражений давно отпылали.
Штрафникам не давали наград,
Их в награду на смерть посылали.
Среди моря седых ковылей,
У кургана, избитого боем,
Восемнадцать растут тополей,
Как салют неизвестным героям.

Валентина Смашина

*Член «Керченского городского
Литературного объединения
«Лиры Боспора»*

Память Эльтигена

Мы часто летом к морю приезжали –
Манил нас синих волн водоворот.
Пустынный берег этот звали раем
За то, что здесь мы жили без забот...
Ведь как приятно всё же в летний зной
В прохладу моря окунуться с головой!

Мы забывали обо всём на свете,
Без сожаленья время убивали,
Резвились, словно маленькие дети
И о серьёзном думали едва ли...
Но как-то раз у краешка земли
Мы бескозырку старую нашли.

И сразу, будто мир перевернулся –
Все стали вдруг серьёзней и взрослей,
Как будто каждый вдруг соприкоснулся
С тем, что храним мы в памяти своей:
Земля в огне, пуль и осколков град...
Так этот берег встретил наш морской десант.

А к вечеру вдруг разыгрался шторм,
Над серым морем тучи плыли низко,
Сверкали молнии, взрывался гром...
А мы стояли перед обелиском

В посёлке, что зовётся Эльтиген.
Здесь пред врагом никто не преклонил колен.

Утихло море. Только над волнами
Навек застыл десантный мотобот...
Мы этот берег раем называли,
Но адом был он в сорок третий год!

Стоит вокруг такая тишина...
Давно когда-то здесь была война.

Наталья Трушкова

(1940 - 2012)

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма с 2011 г.*

Памятник Аджимушкайцам

*Марии Молчановой, героине
Аджимушкайских каменоломен*

Митинг в Аджимушкае. Памятник.
Люди скалу венчали памятью.
Поле в цветах над штольней – жизни река.
Памятник – песня прошлого и на века.

Спой же ты песню – реквием, мать – земля!
Маками поле плакало, кровь текла.
Звоном медалей рвался скорби звук.
Из подземелья бился сердца стук.

Как автоматная очередь. Наверняка
Пронзает он душу фронтовика.
– Всё ли ты помнишь?

– Помню!

Ковыль на висках седой.
Здесь спящих героев много,
Но я скажу об одной.
Мария Молчанова молча
Под пулями шла за водой.

И плата за воду всего лишь
Тонкая жизни нить.
Чтоб напоить измученных,
Она готова платить.

Памятник – плата потомков,
Память о мужестве, весть,
Что на земле, как ни странно,
Место для подвигов есть.

Людмила Юрмкова

Член Союза писателей России

Память сердца

Окопами в небо глядят
Войной опалённые земли,
Их раны доныне болят –
Границ никаких не приемля.

Оставила шрамы война,
Их помнят и земли, и люди,
Погибших бойцов имена
Никто никогда не забудет.

Их в святцах доныне хранят
В церквах, синагогах, мечетях,
Ведь каждый убитый свят –
За каждого каждый в ответе...

Лица погибших солдат
Навечно в граните застыли,
Доныне на страже стоят,
Чтоб внуки войну не забыли...

Чтоб помнили горечь утрат,
Чтоб в мире, в согласии жили –
Об этом без слов говорят –
Святые кресты и могилы...

.....

Память сердца и вечный суд...
Эту память ничем не разрушить,
С этой памятью вечно живут, –
Войной опалённые души...

О с к о л к и в о й н ы ...

Разделяют года и кордоны –
Экономить на встречах должны,
Словно грешники – на иконах –
На любимых, бесценных, родных...

И Голгофой для душ расстоянья –
Сердце жжёт заколдованный круг,
Встречи редкие, как подаянья,
Из чужих, незаслуженных рук...

То несбыточны встречи, то кратки –
Сердцу горько и больно глядеть,
Будто сахар военный – вприглядку,
Лица самых любимых людей...

Снова волчьим оскалом кордоны
На границах любимой страны,
Плачут в храмах российских иконы,
Как в далёкие годы войны...

М о л ч а л и в ы е г е р о и

В танце Боттичелевом весна
Шествует по миру в пене кружев, –
Только вам, солдаты, не до сна
Или снятся дни военной стужи.

Снова память возвращает вам
Дни сражений – яростных и грозных,
Где делили честно – пополам
Хлеб, снаряды, спирт и папиросы.
По ночам молились, кто как мог,
Хоть в молитвы верили не очень –
Навсегда прощались у дорог,
Многих не досчитывались к ночи...
И бывало дико – ведь вчера
Друг шутил – всегда был балагуром,
Так светло смеялся... до утра
Не дожил... шальная пуля-дура...
Всю войну ты бережно носил
Фотографию его жены и сына, –
Возвратить по адресу просил
Друг в село Покровское – под Клином...
Сколько их, не вставших на крыло,
Сгинувших безвременно, безмолвно...
Сколько их – безусых – полегло
В Севастополе, Керчи, под Ровно...
Вы – по праву – золотой запас земли
В адском пекле званье человека
Сохранили, внукам донесли, –
Как и мир, где мы живём полвека...
.....
Без высоких слов и без бравад, –
Разрешите преклонить колени...
Молчаливые герои – без наград
И безмолвные войны живые тени...

Х р у п к и й м и р

Хрупкого мира –
 тончайшая, вечная нить, –
Та, что теперь на последнем,
 высоком пределе...
Мы её можем сберечь,
 удержать, сохранить, –
Только б понять
 и услышать друг друга
 умели...

Это от сердца до сердца
 крепчайшая связь,
Что ни побед, ни обид,
 ни долгов не считает...
В Книге Судьбы это –
 вечная, вещая вязь, –
Ей, чтобы выжить,
 прощенья и веры хватает...

Это – живая, святая,
 Священная явь...
Наша родная, сердечная,
 звёздная память...
Ты не теряй, не предай её
 и не оставь, –
Если порвётся – уже ничего
 не исправить...

Друзья уходят...

До дна не выпив чашу
ни любви, ни горя,
Уходим мы...
Друзья уходят и враги,
Не дострадав, не долюбив
и не доспорив,
Друг другу, не простив
заслуги и долги...

При жизни от беды
спасти хотели друга,
Надёжного товарища –
свидетеля войны,
А он ушёл нелепо –
с середины круга...
С врагом остались мы
и одинаково грустны...

Вкус живой воды

Кому известен вкус живой воды,
Тот мёртвую нигде не ищет воду,
И чистыми хранит свои пруды, –
Чужого, сладкого, не ищет мёда.

Ничьим чужим не молится богам,
Ему тесна с плеча чужого тога,
Своей души целителен бальзам, –
Он в сердце истинного ищет Бога.

Всё, что за жизнь любовью накопил,
На кон чужой, конечно, не поставит,
Он помнит, кто он есть и кем он был,
И что он должен за собой оставить.

Души своей не разменяет мук
На патоку бессмысленных терзаний,
В крови чужой не замазает рук, –
Ведь горек мёд, разбавленный слезами.

И равно чужд ему и вкус и цвет,
Кровавых игр, закатов и агоний, –
Он свой с чужим не спутает ответ,
Как и тепло единственных ладоней...

Часть 2

НАШ РАССКАЗ

*Александр
Бойченко-Керченский*

(1925 - 2012)

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма с 2009 г.*

Ф р о н т в о д в о р е

Наутро, когда проснулся, до меня, прежде всего, донеслись отзвуки боя. Сразу определил – передовая всё ближе и ближе. Где-то у околицы. Над городом гул. Рвутся снаряды, визжат мины, словно недорезанные поросята, строчат пулемёты, бухают винтовки. Самолёты проходят стороной на переправу. Их сопровождают залпы зенитных орудий.

Вечером, с южной стороны дома, в кухне, шальной осколок снаряда выбил шибку в окне. Мать заложила её подушкой: в комнату сразу ворвался холодный воздух. Это предупреждало, что не за горами и зима.

Мать поворчала за разбитую шибку и, забрав младших детей, полезла в подвал под дом, а мне сказала:

– Подоишь корову!

– Вот тебе и раз, – огрызнулся я. – Вы будете в подвале, а...

– Полезай и ты. Хотя места нету.

– Ладно уж, согласился я.

Хлопнула в коридоре ляда за матерью. Не теряя времени, перетащил свою постель в залу, на север-

ную сторону дома. Здесь более-менее безопасно. Разве только прямое попадание.

Открыл ставни и выглянул на улицу. Ночью выпал небольшой снег и прикрыл, словно саваном, огрехи войны и трупы лошадей. Низко плывут сизые тучи. Пасмурная погода портит настроение.

Видны отступающие войска. Из города уходят последние беженцы, госпиталя вывозят раненых, по улицам бродят табуны бесхозных лошадей. Они съели в городе весь бурьян, грызут деревянные столбы и заборы. От бескормицы стали худые и кошлатые, как линялые собаки, у которых шерсть клочками.

Теперь нет сомнений – город сдадут. Я вздохнул и пошёл доить корову. Только переступил порог сарая, Орлик встретил меня ржанием. Задал им обоим сена и после этого сел доить корову.

Около полудня стали взрывать завод Войкова и другие предприятия. Пришли друзья. Смотрим в сторону завода. Там взрывают трубы – высокие кирпичные. Труба подпрыгнет вся целиком, словно детская игрушка, а потом медленно клонится набок, как бревно, и вдруг падает, поднимая тучу пыли и дыма. Рвут ещё что-то. Вверх летят обломки железа, бетона и дерева...

– Что они, – не выдержал Ванечка, – решили завод с лица земли стереть?

– Не оставлять же фрицам, – вздохнул я.

– Можно же как-то испортить, чтобы потом легче было ремонтировать, – добавил Виталька.

Хотя наши отступали, но у нас не было сомнения, что это ненадолго...

– Он-то так, – отозвался я. – Фрицы тоже могут восстановить.

– Ты прав! – согласились друзья. – Потому и рвут основательно.

Мы ещё поговорили, глядя на взрывы, а потом я пошёл с товарищами доить корову. Кормили и поили Орлика.

– А у тебя здорово получается, – отозвался Ванечка.

– Что получается? – не понял я.

– Доишь, как доярка.

– Да нет, – вздохнул я. – Она зануда и не даёт мне всё.

Потом пили молоко с сухарями, разгрызая их молодыми зубами. Так прошёл день под взрывы снарядов и мин.

Взрывали где-то что-то всю ночь. Обстрела города не было. Когда просыпался, слышал, как строчит пулемёт, словно швейная машинка, и опять большой силы взрыв. Прислушиваюсь, ворочаюсь с боку на бок, пока не сморит сон.

Утром обнаружил, что во дворе зима. Ударил мороз, и не малый. Ночью выпал ещё снег. Он припо-рошил улицы. Всё выглядело, словно в праздничном убранстве. Я смотрел в окно и вздыхал. После каждого взрыва снаряда или мины на белом снежном фоне оставались чёрные пятна, словно лишай.

Вскоре начался бой в городе. Где-то рядом строчит пулемёт, оглушительно рвутся снаряды. Над домом, визжа, пролетают мины, шуршат снаряды. Наши отступили с вершины Митридата и заняли оборону у нас в огороде за стенкой, которая проходила через три двора.

Мать впопыхах похватила кое-какие вещи и с

детьми скрылась в подвале. Звала и меня. Я отказался. Родительница поворчала что-то для порядка. Мне показалось, будто она осталась довольна моим отказом.

Последнее время мать перестала следить за собой. Я смотрел на неё и не узнавал. Её словно подменили. Неделями нечёсанные волосы свалились, как старая мочалка и висят космами. И в одежде неряшлива: то фартук в сале, или платье затасканное, то ногти не обрезаны. Однажды я не выдержал:

– Ма-а! Вы бы платье сменили?

Она удивлённо глянула на меня, потом на платье и буркнула:

– Сойдёт и так. Скитаться по подвалам – лучшего и не надо.

«Возможно, она и права, – вздохнул я, – а, может, не в этом причина? При отце такого не позволяла».

Как бы там ни было, а смотреть на неё в таком затрапезном виде неприятно. Я никак не мог понять, что на неё подействовало: то ли извещение на отца, то ли бомбёжки и обстрелы, которых панически боялась.

– Боже, – причитала она, – и когда это кончится?

А война только начиналась. Обо мне часто забывала. Да я понапрасну и не прятался. Смотрел, куда летят самолёты. Если на нас – другое дело. В основном опасался зенитных осколков. Они шлёпали на землю со страшной силой.

Ещё бабкины слова придавали смелости: «Ты не трясись, как мать. Если суждено погибнуть, –

то смерть и в бомбоубежище найдёт...»

Она как-то сказала, что я родился в рубашке – значит, счастливый. Не знаю, насколько это правда, но мне пока везёт.

Часов в десять утра заревела корова, да так, что заглушила гул боя. (Это мне так казалось). Я выглянул во двор, а там пули жихают, мины рвутся – вой и грохот.

– Ма-а, – спросил я, заглядывая в подвал. – Корову доили?

– Нет!

– Так давайте! Орёт, как резаная!

– Пойди ты.

– Вот так всегда. Как что, я. Вы в подвале будете прохлаждаться, а мне под пули, да?

– Но я не вылезу!

– А корова как? У ней же молоко сгорит!

Мать, ничего не говоря, захлопнула ляду. Я заметил её испуганное лицо и пожал плечами: «Вот тебе и раз! До того боится, что бросила животное на произвол. А ты, что хочешь, то и делай! Ладно, – решаю, – Будь что будет – пойду!»

Первым делом решил напоить скотину. «Орлик тоже не железный». Взял ведро, набрал полную грудь воздуха для смелости, открыл дверь во двор и замер. Она выходила боковой стороной к бою. Страшно окунуться туда, где убивают.

Снаряды перелетают, шурша, через наш двор и рвутся где-то в центре. Мины хлопают неподалёку. Зато пули жужжат над головой, как рассерженные шмели. В огороде бухают винтовочные выстрелы. Пулемётов не слышать.

Снова набираю полную грудь воздуха, с шумом выпускаю и ползу, громыхая ведром, к сараю, где стоит бочка с дождевой водой. Шаг за шагом преодолеваю расстояние от дома до сарая. У бочки лёжа отдохнул, поднялся на ноги и ведром в бочку. А там лёд.

За воротами на улице разорвалась небольшая мина. Не раздумывая, шмыгнул в сарай. Корова перестала реветь. Орлик заржал.

– Сейчас, братцы, напою! – сказал я.

Нашёл ящик, подставил под ноги и заглянул в бочку. Лёд толстый, но вода промёрзла не до дна. Стал ломом пробивать дырку. Стучу и нет-нет, оглядываюсь. Наконец, пробил, как на речке, лунку. Ведрами ношу воду в сарай и сливаю в бадью вёдер на десять, а сам ругаю себя: «Как это, прошляпил вечером, не натаскал воды?»

Корова и жеребец снова просят пить, а я вздыхаю и говорю:

– Потерпите. Холодная. Как нагрею, тогда и дам.

Как ни странно, животные замолчали, словно поняли мои слова. Набрал ведро воды для нагрева и не заметил, как подошёл моряк в мичманке и в зелёной фуфайке.

– Ты что здесь делаешь, дружок? – слышу про-стуженный голос.

Вздрогнул от неожиданности и обернулся, держа в руке почти полное ведро навесу.

– Воду набираю, ответил. – Нужно корову напоить.

О жеребце умолчал на всякий случай, а то ещё заберут.

– Вода холодная же.

– В том-то и дело, – вздохнул я. – Нагреть надо, а здесь пули свистят и мины воют над головой.

– Ты, браток, пуль не бойся. У вас косогор и, как говорят, мёртвая зона, а вот мины – это другой коленкор. Она может угодить куда угодно. Давай помогу тебе. Тащи вёдра!

С помощью старшины, а это был старшина, я увидел нашивки, когда он снял фуфайку, чтобы удобней было набирать воду, с его помощью наполнил всякую посуду и почти опорожнил бочку. Осталась самая малость.

– Нагреешь воды, принесёшь и нам, – сказал, уходя, старшина.

– Куда?

– А вон! Мы в огороде держим оборону.

Я выглянул через калитку и увидел в конце, у стены, человек двадцать матросов. На снегу они резко выделялись чёрными шинелями, словно чернильные кляксы на тетрадном листе.

Старшина ушёл, а я подхватил ведро с водой и, не обращая внимания на жужжащие пули, потащил в дом.

Молока было много. Как сказал бы мой друг Ванечка: «Море!» Корова недавно отелилась и давала почти ведро каждый раз.

Матросам приготовил больше полведра, две эмалированные кружки и полную противогазную сумку сухарей. Я их обнаружил в буфете. Сумку для удобства надел через плечо, и готов был в поход, а у самого пятки чесались от боязни.

Вышел на порог и остановился, а пятки огнём горят. Стою, как вкопанный. Не решаюсь окунуться в водоворот войны, где оглушительно бухают винтовки. Пули свистят и жихают над головой. Рвутся гранаты, а за воротами, на улице, мины. Одно меня спасало – не видел убитых и раненых. И вообще были ли они – не видел.

Хотя и говорил старшина, будто у нас мёртвая зона, но понять я этого не мог. «Как это?» – подумал. И всё же, глянул на молоко, вздохнул и решил: «Что будет, то будет!» – и нырнул в грохочущее пространство.

Тащил ведро, кланяясь каждой пуле и воющей мине. Старшина увидел мои потуги, улыбнулся и пошёл навстречу. А я подумал: «Что здесь смешного?»

Он отобрал ведро и удивился:

– Ого?! Молоко! Небось, своих обидел?

– Не-е-е. оставил. Они от него нос воротят. Дома стоит ещё полведра вчерашнего. Куда его девать? До боёв мать продавала, меняла и раздавала. Сейчас её никакими коврижками не выманишь из подвала.

– Чего так? – удивился старшина.

– Жутко боится. Закупорилась – ничего не слышит и не видит.

– А ты что, сам всё делаешь?

– Приходится.

– Не боишься?

– Страшновато, но управляюсь. Боюсь только прямого попадания.

– Молодец! – похвалил старшина.

Он снял с моего плеча сумку, матросы расстелили плащ-палатку и высыпали на неё сухари. Они делили и приговаривали:

– Ну, браток, выручил. Почти сутки крошки во рту не было...

Я топтался на снегу и осматривался. Матросы стреляли по очереди. Одна группа грелась у небольшого костра, а другая тревожила немцев.

Глянул в сторону, где стояла прошлогонья солома – пусто. В стене из дикого камня что-то наподобие бойниц. Мне стало интересно, куда стреляют матросы, и заглянул в одну из свободных дырок.

– Ты что, накричал старшина, – на приморском бульваре? Эта амбразура пристреляна!

В справедливость его слов, в камень цокнула пуля, упала на снег и зашипела. Я смотрел на пар, исходящий от неё, а потом на старшину.

– Вот видишь. Нельзя забывать, что здесь позиции, фронт! И, между прочим, убивают...

– Ка-а-а-кой фронт? – пробормотал я растерянно.

– Обыкновенный! До тебя что, не доходит?

Я молча забрал ведро и пошёл домой в таком состоянии, словно меня оглушили чем-то тяжёлым. В голове загудело, а в ушах появился шум, какой бывает, когда кипит чайник. Моё сознание не могло осмыслить: как это? Вдруг мой дом, двор стали фронтом?

Мне представлялся фронт чуть ли не живым существом. А тут так просто: матросы пьют молоко, курят, шутят, греются у костра, а над ними жихают мины и жужжат, как назойливые мухи, немецкие пули.

«Так вот ты какой? А мы воображали...» – вздохнул я и поспешил в дом. В соседнем дворе разорвалась мина.

Жина Володченко

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

Аромат цветущего сада

«А мне рассказал отец...» – голос о. Николая стал таким тихим... пламя свечей, которые мы держим в руках, освещает каменоломню Аджимушкая особенным светом. Кругом стены, изрешечённые пулями, серые, холодные, как в войну. Дует сквозной ветер, а на стенах, на всех выступах горят и не гаснут свечи, их много, очень много. Огоньки, словно живые души погибших воинов, мирных жителей г. Керчи, расплзлись по меленьким выступам ракушечника, горят не колеблясь, освещая иконы...

Только что закончился молебен по убиенным, здесь, внутри каменоломен. На каменной плите устроен алтарь. К иконам можно преклониться, поставить свечу за усопших «на поле брани». Сколь-ко их было здесь? Никто не знает, нет таких сведений. Город Керчь защищала 51-я Армия, а это не менее 12 тысяч воинов.

И только ли эта Армия сражалась в каменоломнях? Эти события геройской славы описаны во многих авторских изложениях и, конечно, максимально приближенно к истине записаны со слов очевидцев. А очевидцы, партизаны Аджимушкая, всё передают из уст в уста свои переживания своим детям. Ведь дети – особая тема войны. Вот и они уже почтенные горожане города-героя Керчи, но традицию, которая

существует уже более 40 лет, не забывают. В последнее воскресенье мая – День памяти героев Аджимушкая. Собирается стар и млад у обелиска на плацдарме бывших боевых военных событий, чтобы возложить гирлянду Памяти и цветы. А театрализованное представление пытается воссоздать тот героический дух партизан Аджимушкая.

«Мы, защитники г. Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаёмся. Ягунов». Оставшиеся в живых идут в последнюю атаку...

Минута молчания... Салют.

А история открывает ещё и ещё имена героев. Через 67 лет обнаружено ещё захоронение погибших бойцов 276-го стрелкового полка внутренних войск НКВД, часть бойцов этого полка осталась в Аджимушкайских каменоломнях, а 312 воинов приняли последний бой 14 мая 1942 года у села Октябрьское и героически погибли.

Затихли на поверхности каменоломен суетные мероприятия, а по пыльной дороге, под палящими лучами южного солнца идёт Крестный ход. Прихожане храма Андрея Первозванного идут спешным шагом в безмолвной тишине. К ним присоединяются участники памятного события и жители посёлка Аджимушкой.

Полдень, жарко. Отец Николай идёт широким «воинским» шагом, непривычно видеть его таким решительным, размахивающим руками, как крыльями. Лицо его в прискорбном молчании. На фоне чёрной одежды и яркого солнца голова его такая белая, как снег. Седая, а он ещё не стар...

Поворот влево. С просёлочной дороги, широкой и дымной от пыли, мы перешли на узкую тропинку, которая, петляя между холмами, привела нас к главному входу в каменоломни. Все зажгли свечи...

«Упокой, Господи, души погибших воинов и православных христиан...» Душой мы прикоснулись к вечности... холод забирается под лёгкие летние одежды, надеваем кофточки потеплее и невольно задумываемся... А как же здесь жили и воевали без воды, еды и света? За фляжку воды отдавали жизнь, а может, и пять жизней... Подходы к единственному колодцу простреливались немцами. Для раненых высасывали воду из ракушечника... Защитники нашего города отдавали свои жизни, чтобы мы сегодня... *«Уклонись от зла и сотвори благо» (Пс. 33, 15)* – как важно знать это всем.

Я беру благословение у о. Николая и ещё раз убеждаюсь, что без добродетелей: милосер-

дия, терпения, любви выдержать это было невозможно...

«Отче... аще возможно, да минует от Мене чаша сия...» (Мф. 26, 39).

Проповедь о. Николая была живым рассказом о подвиге аджимушкайцев.

«Каменоломни в глубокой осаде. 1942 год. Раненные, измотанные в боях красноармейцы. Немцы задумали немыслимое злодеяние: применить отравляющий газ к непокорному гарнизону. Выйти на поверхность практически невозможно, в три ряда стоят цепи фашистских солдат, каждый метр земли простреливается... Замолкло всё живое... Восходит жаркое южное солнце над горизонтом, ну хоть бы капля дождя упала на выжженную палящим солнцем землю. И только чабрец, душистая трава, круглыми стайками сидит на склонах холмов Аджимушкая и сиреневым взглядом нежных соцветий любит чистым, голубым, бездонным небом...»

«Попить бы чая с чабрецом...» – думают одновременно три солдата, лежащие в грядках с картошкой. Без слов можно определить: они из подземного гарнизона. Форма болтается на худых плечах, а глаза говорят – ещё живые. В лицах ни кровинки, по бледным щекам текут непослушные слёзы от яркого света, руки сжимают автоматы... Сырая картошка, ещё маленькая, молодая, а сладше мёда хрустит на зубах вместе с песком... увлеклись... На грядке, словно выросла, женщина и, от испуга не сдержавшись, издала вопль. Солдаты – «что твои мертвецы»... Каким чудом они восстали из «каменного мешка?». Ей неизвестно, что на её огороде есть лаз в каменоломню...

Немецкая охрана, от страха чуткая, тут же окружила солдат, завязался короткий бой. В автоматах бойцов Аджимушка было только по одному патрону... Немцы стали ждать старшего офицера, усадив под дерево пленных.

Пунктуальный немец-офицер завтракал в хате медленно, не торопясь, часовой зорко следил за «языками»: «тьень» могла и исчезнуть. А три солдата, понимая, что отсюда живыми не уйти, вдыхали аромат цветущего сада и смотрели в бездну бескрайнего неба. Как нелепа их смерть, задание командира не выполнили...

Офицер был сыт и расположен к разговору. Но сначала подошёл к одному из солдат и отстегнул фляжку. Медленно открутил крышку и перевернул вверх дном. Ни одной капли воды...

«Есть в гарнизоне вода, еда?» – рявкнул с лихвой навоевавшийся немец. «Да, у нас есть всё – и еда, и вода», – не задумываясь, ответили солдаты. Офицер усмехнулся улыбкой удава, но ответ его задел...

«Героические это люди нестигаемого Аджимушка... заслуживают уважения... нет, почестей... Как надоела мне эта, уже проигранная, война, так хочется в Германию с её умеренным климатом... И за что они так любят эту выжженную солнцем землю?» Он понял: здесь, в этом саду, он временный хозяин. В хате навзрыд плакала женщина, охала и ахала её слепая мать.

«Простите, миленькие!» – голосила на пределе возможного и невозможного молодая женщина.

События дальше развивались стремительно. К распахнутой калитке подъехала немецкая машина. Весть быстро облетела окрест – как же, три солдата «несгибаемого гарнизона» каким-то образом вышли из окружения. А немецкие укрепления считали самыми... где даже не летали воробьи. Из машины лихо выскочил полицай, здешний фашистский прихвостень, как казалось, боявшийся даже своей тени. Его звали по кличке – Данька.

В три прыжка очутился полицай рядом с солдатами. А у них ещё в груди теплилась надежда на побег. Жаль только, что не помогли товарищам...

Как чёрный коршун полицай налетел на солдат, стал пинать и браниться отборным матом, сотрясая воздух воплями. Офицер опешил, замер, как степной суслик. Но Данька, чтобы не рассекретить лаз, раскрутил сцену преданности Гитлеру, и спектакль удался. В психическом экстазе он выстрелил из своего пистолета в головы солдат. Душераздирающий крик женщины в хате оборвался...

«Этот тоже партизан, их почерк, – мысль, словно пуля, ударила в сердце немецкому офицеру. – Как хочется домой, ведь они никогда не сдадутся... И за что они так любят эту выжженную землю? Почему они так дерутся, что их надо хоронить с почестями?»

Со стороны моря прорвался ветер, зашумели листочки на деревьях в саду, затрепетали они, вишнёвый цвет посыпался героям на плечи... Кто они? Неизвестно. Но надо предполагать, что закопа-

ли их тут же, недалеко, в цветущем саду аджимуш-кайской земли.

«...вонь их, донезде скончалши их» (1 Цар. 15, 18).

Неспешно выходили мы из каменоломен, преодолевая камни-валуны больших размеров. Солнечный яркий свет ослепляет глаза. На крыльях солёного ветра с моря на солнце наплзают медленно белые облака. В ноздри ударил пряный парной запах трав и цветов. День-то какой, самый разгар цветения полевых трав! В голове как-то зазвенело... «Скоро Троица», – подумала я.

«...Повелевает Солнцу Своему восходить над злыми и добрыми, и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45).

Мои мысли прервал молодой человек с гитарой за спиной. Он спросил меня: «Вы можете показать нам траву чабрец? – рядом с ним был ещё мужчина с ребёнком лет пяти. – Бабушка просила принести на чай. Болеет часто, она ребёнком была в этих каменоломнях. А это её правнук», – доверительно сообщил молодой человек с гитарой. Я взяла мальчика за руку и повела вверх по склону холма, там, на самом солнцепёке, кружочком рос чабрец. Отцветает, уж больно бледные его соцветия, не привлекает взгляд прохожих.

«Вот это трава чабрец, понюхайте её», – посоветовала я им. Склонили низко головы трое мужчин перед травой, внимательно разглядывают, чтобы запомнить и другим показать. Такой чабрец растёт только в Крыму и любит эту землю. Стелется по склонам холмов, тесно прижавшись к земле, «ползёт», как солдат, – по-пластунски, словно собирает горячие капли крови погибших за Керчь героев.

Чай из чабреца заваривают и пьют горячим. Прогревает от всех хворей. Обжигает губы душис-тый чай, чтоб помнили, не забывали цену своей жизни...

«Да живущие не к тому себе живут, но умершему за них и воскресшему» (2 Кор. 5, 15)

Это сказала мне моя мама...

Пётр Котельников

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма*

Керчь в огне

(отрывок из повести)

...Самолёты в небе над Керчью в довоенное время появлялись редко. Что-то мешало им летать над нашими головами. Появление их всегда вызывало редкостный по накалу напряжения интерес.

...В военных фильмах, которые мы тогда смотрели, авиацию показывали в её грозной потенциальной силе, а не в действиях. Что мы знали о бомбардировках с воздуха? Ничего. И, естественно, никому ещё ни тогда, ни сегодня, не удалось передать того ужаса и беспомощности, которое человек испытывает, ожидая смерти с воздуха! Куда бежать, где спрятаться? Опасности не видно, а в распоряжении только секунды, такие короткие, важные и такие дорогие...Осознание всего этого придёт потом, в столкновении с реальностью. А пока в октябре появление фашистских самолётов в воздушных просторах над городом не насторожили нас. Летали самолёты высоко, отливая серебром в ярком голубом небе, под лучами солнца. Размером они казались не более птиц. По ним открывали стрельбу из одиноких орудий, всегда безуспешную. Самолёты продолжали летать, не обращая внимания на обстрел. Фашисты пока не причиняли вреда городу. Чем дальше шло время, тем чаще навевались непрощенные гости. Число полётов и продолжительность их воз-

растали. Это стало для нас обыденностью, мы к ним привыкли, как привыкают к назойливым мухам.

...Наступило 27 октября 1941 года. День был ясным, солнечным. Ни единого облачка на небесах. Осень, а этого не чувствовалось. Деревья не сбросили с себя листвы. Мало того, на многих деревьях она светилась яркой зеленью. Я отпралялся в школу, находящуюся от меня слишком далеко. В школу пришёл раньше, чтобы иметь возможность успеть просмотреть материал по истории древнего мира, которую мы изучали(у меня не было учебника по этому предмету).

В 13 часов 20 минут должен был начаться урок. Почти все товарищи по классу находились во дворе школы, предаваясь шумным играм. Я был один на один с книгой в совершенно пустом классе. Спешил усвоить материал домашнего задания, всё окружающее осталось вне меня. Вдруг до меня донёсся многоголосый, полный тревоги, крик детей. Такого крика мне никогда не приходилось слышать. Видеть я школьников не мог, поскольку окна класса выходили на улицу, на противоположную сторону от двора.

Моё внимание привлекли стёкла окон с наклеенными на них крест на крест полосками материи. Считалось, что такие полоски сохраняют целыми стёкла во время взрыва. О, как наивны были наши представления о силе взрыва авиационных бомб! Наверное, выводы базировались на данных опыта гражданской войны. Я передаю без доли вымысла

то, что пришлось тогда увидеть. Стёкла окон выгнулись и вогнулись. Неуловимое мгновение они ещё были целы. Звуков не слышно. Затем оглушительный, чудовищный взрыв потряс мир. Стёкла понеслись вперёд; трещали и ломались переплёты оконных рам, срывались с петель двери, трещали стены. Чудо, что летящие осколки стёкол и обломки дерева не задели меня. Мне тогда казалось, что раскололось само небо. Самые близкие удары грома во время грозы не сопоставимы с тем, что тогда услышал.

Здание школы буквально подпрыгнуло. Я бросился к выходу, прочь от одиночества, к людям! Но тут меня подхватила воздушная волна, как пёрышко, и швырнула на стену. В горячке, боли не чувствовал, хотя удар и был силен. Просто кулём свалился на пол не в силах подняться, испытывая всей поверхностью тела упругую, сильную струю воздуха, сопротивляясь ей, полз в угол. Ужас сковал мои действия, руки и ноги казались ватными.

Раздался следующий взрыв, за ним последовали другие. Все они были невероятной силы, но сознание стало пробуждаться от оцепенения. Я увидел над головой висящий огнетушитель, и у меня возникла мысль о том, что его может сорвать со стены взрывом и швырнуть в мою голову. Отодвинулся в сторону. Вокруг меня никого не было. Короткий отрезок коридора был пуст, я был никому не нужен. Осознание этого, чудовищный страх и желание жить заставило двинуться ползком в ту часть коридора, в которой не было окон, и где шевелилась,

раскачивалась, испуская крики, живая масса, сцепленных в единое целое юных человеческих тел. Протиснуться между ними было невозможно. Когда сбоку образовалась узкая щель, я протиснулся через неё внутрь учительской комнаты. В ней на полу сидели учителя, такие же напуганные и такие же беспомощные, как и я. Взрывы были слышны и здесь, но глуше, и между ними можно было различить промежутки, заполненные какой-то трескотнёй, напоминающей цокот множество подкованных копыт по булыжной мостовой.

Слышно было, как вслух молились Богу те, кто ещё накануне были атеистами до мозга костей. Под столом, стоящим в центре комнаты, сидела учительница русского языка и литературы в луже воды из разбитого графина, руки её прижимали к себе двух школьниц лет десяти, – все трое воды не замечали. Чуть поодаль от них полуглухая преподавательница немецкого языка, запредельного для учителя возраста, утешала страждущих словами: «Не бойтесь, это идут военные учения!»

Мне показалось, что она сошла с ума. О каком учении могла идти речь, когда между стенами и потолком учительской образовались глубокие щели, и не видеть этого было невозможно. Я не знал основ строительства зданий, как соотносятся между собой стены и потолок, но мысль, что он может обрушиться на нас, сидящих внизу, заставила меня действовать. Мне удалось разыскать каморку, где хранились вёдра, швабры и иной инвентарь, я сидел

между метлами и ведрами, вздрагивая при каждом взрыве, в надежде переждать там земную грозу.

Сколько времени просидел там, не помню. Казалось, что миновала вечность. Взрывы как будто бы стали реже и слабее, и я решился выбраться из своего убежища. В школе не было ни души. Ну, хоть бы один? Оставлен всеми, забыт. Я никого не упрекал, понимая, что каждый был занят спасением только самого себя. Все они жили вблизи школы, освоившись, разобравшись с обстановкой, разошлись по домам. А куда деваться мне? Что мне делать одному? Оставаться наедине со своим страхом? Но этого делать нельзя. Нельзя одному оставаться в школе, не зная, что происходит вокруг. Не выдержу... Идти домой? Но путь мне преграждал источник взрывов. Мне невероятно страшно одному, я ведь ещё ребёнок, мне только 11 с половиной лет! И никого нет рядом, даже кошки или собаки. Ну, хотя бы, какое-то живое существо. Никто не поддержит, никто не утешит... Терзали

мысли о близких. Что с ними? Живы ли они? Масштабов происходящего я не знал. Решение нужно принимать самому.

Как не велик был страх, но я решился идти домой. Подталкивало к этому и то, что я видел, как постепенно разрушается здание школы. Путь предстоял долгий и трудный. Идти мимо того места, где бушевало пламя до небес, и продолжали рваться боеприпасы, было невозможно, это я понимал. Надо было идти в обход. Выручало знание всех улиц города.

Странно то, что несмотря на трагичность моего положения, меня одолевал чудовищный голод. Потом, позднее, всегда, когда начиналась бомбёжка, меня сопровождал этот, невероятный по силе, голод. Откуда он возникал? Я не знаю. Думаю, что я расходовал в страхе все запасы энергии, и без пополнения их не мог действовать. Признаюсь, страх самой смерти от меня ушёл, остался страх перед чудовищными взрывами, потрясающими всё вокруг.

Зайдя в школьный буфет и подкрепившись там булочками с маслом, я вышел из школы. Удивительно то, что находясь в таком положении, не оставил своего портфеля там, в школе. Мало того, я положил в него и учебник по истории древнего мира, совсем не принадлежащий мне. Полагаю, что это было инстинктивное желание задержать детство. Но, увы, оно ушло с первым разрывом авиабомбы.

Я отправлялся в школу ребёнком, а возвращался почти взрослым...

Сергей Молоцов

Член союза русских писателей
Восточного Крыма

С п а с е н и е (фантастический рассказ)

Эти погожие, пронизанные солнечными лучами дни, заступившего на вахту апреля, всегда вызывали у Николая Николаевича стойкое ощущение душевного подъёма: приближалась очередная годовщина освобождения города от фашистских оккупантов, а там и День Победы не за горой.

Майор запаса, бывший командир эскадрильи полка истребительной авиации, Николай Николаевич Богданенко, отправился на традиционную прогулку к морю. Прогулявшись вдоль пустынного пока ещё пляжа, он направился к белой каменной беседке, которая возвышалась чуть в отдалении, на уступе, выдающемся в море, и как бы парила над морем, словно белоснежная чайка.

Раньше Николай Николаевич приходил сюда просто посидеть, подышать морским воздухом; по-вспоминать, в этом отдалённом от городского шума уголке, о делах минувших дней; поразмышлять о днях настоящих и грядущих. Сегодня он захватил с собой, подаренный накануне сыном, кассетный магнитофон «Весна-306».

«Это тебе, батя, чтоб не скучно гулять было!» – сказал Серёжка. – «И парочку кассет я записал по твоему вкусу: на этой – Высоцкий, а на этой – сборничек из твоих любимых».

Николай Николаевич частенько крутил дома на старенькой «Астре» катушки с записями военных песен Владимира Высоцкого и постоянно поражался: как мог человек, не прошедший войну, так её знать, чувствовать и передавать всё это через свои песни.

Расположившись в беседке почти по-домашнему, Николай Николаевич налил в крышку от термоса (тоже подарок сына) горячего душистого чая, закурил привычную «беломорину» и нажал на кнопку воспроизведения.

*... «Сверкал закат, как сталь клинка,
Свою добычу Смерть считала.
Бой будет завтра, а пока,
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалам».*

«Кавказ». – Николай Николаевич сделал глубокую затяжку. – «Начало моего боевого пути»

Под звучащий, с хрипотцой, голос, он окунулся в прошлое. Из кавказского периода боёв его вернула в настоящее самая любимая песня, которую он готов был слушать постоянно.

*«Их восемь – нас двое. Москва перед боем
Выраж! И мы будем играть.¹
«Серёжа, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять!»
Я этот небесный квадрат не покину
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит и шансы равны!
Мне в «хвост» вышел «Юнкерс», но вот задымил он,*

¹ Один из многих вариантов авторского исполнения.

*Надсадно завывли винты.
Им даже не надо крестов на могилы –
Сойдут и на крыльях «кресты»!
«Я – первый, я – первый! Они под тобою,
Я вышел им наперерез!
Сбей пламя! Уйди в облака, я прикрою!
В бою не бывает чудес!
Сергей, ты горшишь! Уповай, человек,
Теперь лишь на крепость строн!»
Нет! Поздно! И мне вышел «Юнкерс» навстречу:
«Прощай! Я приму его в лоб!»
Я знаю: другие сведут с ними счёты,
Но, по облакам скользя,
Взлетят наши души, как два самолёта,
Ведь им друг без друга нельзя!
Архангел нам скажет: «В раю будет туго!»
Но только ворота – щёлк,
Мы Бога попросим: «Пишите нас с другом
В какой-нибудь ангельский полк!»
И я попрошу Бога-Духа и Сына,
Чтоб выполнил просьбу мою:
«Пусть вечно мой друг защищает мне спину,
Как в этом последнем бою!»
Мы крылья и стрелы попросим у Бога –
Ведь нужен им ангел-ас!
А если у них Истребителей много,
Пусть пишут в Хранители нас!
Хранить – это дело, почётное тоже, –
Удачу нести на крыле,
Таким, как при жизни, мы были с Серёжей
И в воздухе, и на земле!»*

«Почти про нас с Ковалёвым!» – вновь констатировал Николай Николаевич. Про их последний вылет и последний бой, после которого комэск, капитан Богданенко, чудом спасённый, отлежал в госпитале и был списан лётной комиссией в наземную

службу. А вот его ведомый, старший лейтенант Серёжка Ковалёв, погиб.

Как он выжил, – Богданенко до сих пор не мог понять. По словам наших пехотинцев, очевидцев этого боя, один самолёт, загоревшись, врезался на их глазах в землю. Другой – взорвался в воздухе. Пилотов на парашютах никто не видел. Следовательно, погибли оба лётчика.

Но он-то, вопреки всему, остался жив! Николай Николаевич не помнил ничего. Полная потеря памяти после момента атаки на его самолёт. Сознание вернулось уже в госпитале. Но не память. Он усиленно пытался вспомнить и связать воедино то, что мелькало в голове странными картинками, как из научно-фантастического фильма. Тщетно... Да ещё вот этот, появившийся у него неизвестно откуда, не менее странный значок...

Николай Николаевич достал из нагрудного кармана бумажник и извлёк из отдельного кармашка небольшой значок: круглую, размером с пятикопеечную монету, пластинку из жёлтого металла, на которой была изображена фигура сидящей в профиль кошки, покрытая белой эмалью. Сзади значка имелось два небольших усика, посредством которых он крепился к одежде.

Счастливое спасение, загадочные картинки из глубин памяти и этот странный значок... Многие годы бывший лётчик искал между ними связь, но никак не мог ухватиться за кончик нити в мелькающих кратковременных вспышках-видениях. Ответ на мучившие вопросы ускользал от него. Был недоступен.

Сотни раз он прокручивал в голове, как киноленту, события того дня. Помнил всё, до мелочей, но до определённого момента. Дальше – беспмятство и странные, обрывочные видения...

...В это ясное, солнечное, апрельское утро они вылетели с Серёгой в свободный поиск. Операция по освобождению Крыма вступала в завершающую фазу. В воздухе господствовала наша авиация. Противник был уже не в силах проводить регулярные воздушные налёты на наши позиции и вынужден был ограничиться редкими авиаударами небольших авиазвеньев. На них-то и вели охоту наши истребители. Не обнаружив в квадрате поиска противника, комэск отдал команду на возвращение. Развернувшись, истребители направились на базу. Теперь, поднимающийся к зениту солнечный диск, стоял у них прямо

по курсу. И вот тут-то, со стороны солнца, используя это преимущество, их атаковали две пары «Ме-109».

Ведомый был сбит сразу. Дымный шлейф тянулся за самолётом Серёжки Ковалёва. Николай, в отчаянье, кричал: «Прыгай, Серёга! Прыгай!!!» А сам тянул штурвал на себя, стараясь подняться как можно выше. Набрал высоту, он развернулся и понёсся вниз, навстречу преследующей его паре «мессеров». Поймав в перекрестье прицела фюзеляж ведущего, врезал по нему из носовой пушки и обеих пулемётов. «Мессер» задымил. «Один, за Серёгу, – есть!» – зло подумал Николай и бросился за растерявшимся от молниеносно проведённой атаки, ведомым. Тот попытался уйти вверх.

Николай, догнав его, предельно задрал нос своего «ЯКа» и распорол беззащитное «брюхо» противника пулемётными очередями. «Мессер» клюнул носом и свалился в «штопор». Николай провожал его взглядом, пока тот не врезался в землю.

«Ещё один за тебя, Серёжа!» – прошептал он чуть слышно и, в тот же миг почувствовал, ощутил физически, как его «ЯК» сотрясается от пуль и снарядов. Эти несколько секунд, на которые он отвлёкся, стали роковыми. Вторая пара «мессеров» взяла его в «клещи» и расстреляла, как мишень в тире. Самолёт буквально развалился на куски, а, потерявший сознание, Николай выпал через разбитый «фонарь» и камнем полетел навстречу земле...

...В этот день, на станции наблюдения лунной базы «Селена», народа кош, всё шло обычным чередом. Пин сидел за общим пультом управления; его брат, Пун, отслеживал на экране перемещение автоматических исследовательских аппаратов в воздушном пространстве Земли; Тос занимался плановой проверкой технического состояния автоматизации станции; молодой выпускник Звёздной Академии – Тим, сменивший на посту ушедшего в отставку Ера, – контролировал зонды дальнего обнаружения и предупреждения. Всё было привычно и обыденно. Как всегда. И только командир базы Анда вела себя беспокойно. Причина для этого была. И если коллеги делали вид, что ничего особенного не происходит, то Анда эмоций не сдерживала, поскольку осуществить задуманное Высшим Советом предстояло ей.

«Зачем Высшему Совету потребовался этот прыжок во времени назад? Что мы упустили в предыдущих наблюдениях?» – размышляла она вслух, расхаживая по командному пункту. – «Ведь за этот хроно-период произошло столько войн и столкновений и все они, по сути своей, одинаковы: одни – захватывают, другие – обороняются! С той и с другой стороны – масса погибших, как военных, так и мирных людей. Меняется только техника и появляются всё более изощрённые способы уничтожать себе подобных! Всё остальное остаётся на том же уровне дикарского сознания: захватить как можно больше и уничтожить всех, кто этому мешает! Ничему не может научить их история! Надеюсь, что последняя, страшная война, заставит людей за-

думаться. Нет! Опять по всей планете полыхают очаги войн! Они же сами себя ставят на грань катастрофы!»

Коллеги не встревали в монолог командира, продолжая заниматься своими делами. Только Пин пробурчал:

«Ну, чего ты завелась, Анда? Всем всё давно известно. Что мы можем сделать? Мы – наблюдатели и исполнители. Всего лишь. Что предпринять – решает Высший Совет. И если им нужно, чтобы ты ещё раз побывала именно в том временном отрезке – значит, у них есть какая-то цель. Твоё дело – прибыть туда, провести наблюдение, сделать запись и доложить результат».

«Да в том-то и дело! – взорвалась Анда. – «Мы же давали полнейший отчёт по этой войне – от технического оснащения, до всех значимых событий и эпизодов, вплоть до количества погибших! Что мы могли упустить?»

Тут, на свою голову, встрял никогда не унывающий Тим:

«Не ломай голову, Анда! Я слышал у людей такую песенку: «Жираф – большой, ему видней!» Вот и Высший Совет...»

«Да помолчи ты, юное дарование! – оборвала его Анда. – «Вот проведёшь здесь хотя бы четверть хроно-периода, тогда и можешь судить: кто, что и зачем! А пока – внимание на экран и рот на замок!»

«Успокойся, Анда! – примирительно сказал Тос. – «Тим-то здесь причём? Молодой ещё. Со временем и он наберётся опыта».

«Верно, Анда. – добавил Пун. – Давай ближе к делу, время старта подходит. Хронокапсула подготовлена, автоматика настроена. Тебе, как обычно, ничего делать не надо. Реальное время твоего пребывания и наблюдения, в том отрезке, Высший Совет определил в 15 земных минут. Оно введено в бортовую программу».

Анда, выслушав, кивнула, вошла в хронокамеру и задраила за собой люк. Пун начал десятисекундный предстартовый отсчёт.

... Включив режим невидимости, Анда зависла в хронокапсуле и наблюдала за шедшим внизу воздушным боем. Отношение её к воюющим сторонам, как и у прочих членов базы, было нейтральным и безэмоциональным. Это являлось главным условием при подборе кандидатов в наблюдательные группы. Никаких приоритетов и никакого вмешательства, что бы ни происходило на Земле. Бесстрастное наблюдение и констатация событий и фактов, при соблюдении полнейшего режима секретности.

Проследив на экране, как удаляются самолёты выигравшие бой, она заметила, падающего без парашюта, пилота. Направив на него луч сканера, Анда определила – живой! И тут, в нарушение всех инструкций и правил, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, для неё непонятному, Анда резко бросила хронокапсулу вниз, включила антиграв и подхватила на его площадку лётчика, почти над самыми кронами деревьев небольшого леса. Затем,

не раздумывая над тем, что она совершает, действуя почти рефлекторно и, лишь запустив в голове, внутренний хронометр отсчёта оставшихся земных минут, Анда открыла люк хронокапсулы, схватила бесчувственного пилота и затащила его внутрь тесной кабины. С трудом оторвав от себя его руки – лётчик бессознательно всё пытался ухватить и сжать в руках то ли штурвал, то ли стропы парашюта – Анда прислонила его спиной к креслу наблюдателя и включила экспресс-диагност. Быстро просканировала:

«Так. Глубоких ран и кровопотери нет. Много мелких поверхностных порезов – не опасно. Кости скелета и внутренние органы целы. В своде черепа и в левой височной кости – трещины. Точечные кровоизлияния в центры слуха и зрения. Есть реальная опасность распространения кровоизлияния на другие отделы мозга. Без оказания квалифицированной помощи не исключен летальный исход».

Она была в состоянии провести необходимое лечение на месте – оборудование позволяло. Каких-то десять-пятнадцать минут работы манипулятора, и человек очнётся без всяких последствий для себя. Но – **время!**

У Анды его попросту не было. Хронометр отсчитывал последние минуты её присутствия в этом временном отрезке. Затем сработает автоматика. Изменить она ничего не могла.

«Что делать? – лихорадочно думала Анда. – Бросить его – может погибнуть! С собой взять – нельзя!»

Толчок к принятию решения и действиям дал лётчик: застонав, он вдруг открыл глаза. Оглядев ничего не понимающим, удивлённым взглядом, незнакомую причудливую кабину, он уставился на Анду широко распахнутыми глазами и хрипло спросил:

«Что со мной? Где я? Кто ты!?»

Анда ответить не могла – человек не обладал телепатией, а языки землян обитателями базы не осваивались – не было необходимости. Лишь молнией пронзила мысль: «Нарушен режим секретности!»

И Анда начала стремительно действовать, применив инъектор прямо сквозь одежду пилота. Обезболивающее со снотворным мгновенно погрузили человека в глубокий, спокойный сон. Затем последовали инъекции: универсального антибиотика, регенератора костной ткани и стенок сосудов и, наконец, блокиратора памяти. Большого она сделать не успевала.

Опустив хронокапсулу, почти на верхушки деревьев, Анда распахнула люк и вытащила лётчика на площадку антиграва. Затем достала его парашют и сбросила свёрнутый купол на крону ближайшего дерева. Убедившись, что купол основательно запутался в ветвях дерева, она, придерживая стропы, осторожно опустила лётчика вниз. Увидев, что тот надёжно висит на стропах застрявшего парашюта, в каких-нибудь паре метров от земли, Анда захлопнула за собой люк, выключила антиграв и – вовремя. Через три секунды сработала автоматика возврата.

... Выходя из хронокапсулы, как ни в чём не бывало, она произнесла с нарочитой небрежностью:

«Всё прошло, как обычно. Наблюдала воздушный бой. Запись на носителе. Я – отдыхать. За меня остаётся Пин».

Коллеги, без лишних слов кивнув в знак согласия, продолжили заниматься своими обязанностями. И только любопытный Тим, для которого хронокапсула была пока ещё недоступна, и он, с нетерпением ожидавший возвращения Анды, вдруг спросил:

«Анда, а где твой индивидуальный знак?»

Анда посмотрела на левую сторону груди – знака не было. «Видимо лётчик, когда пытался ухватиться за меня, нечаянно его сорвал», – подумала она, а Тиму сказала – «Посмотри в кабине, Тим. Может, зацепилась за что-нибудь, он и упал».

Но в кабине значка не нашлось.

«Значит, у меня в отсеке остался. Забыла сегодня прикрепить. Денёк-то непростой выдался!» – ответила она на незаданный вопрос Тима и пошла к себе.

Ей необходимо было переосмыслить сегодняшние стремительные события. Понять себя. Почему она так поступила? Впервые за всё время этого хроно-периода, в ней появилось что-то новое, а именно – чувство сострадания к людям, таким близким и таким чуждым народу кош...

А может это и было целью Высшего Совета? Дать ей проявить себя в данной ситуации, отследить

её чувства, действия и реакции, чтобы в будущем подготовить контакт? Как знать...

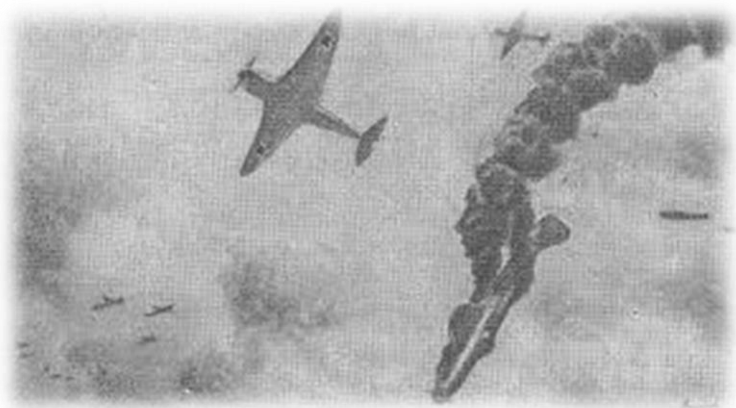
... Николая так и нашли наши пехотинцы, прочёсывающие лесок – висящим на стропах запутавшегося в ветвях парашюта. В себя он пришёл уже в госпитале, где лечащий врач и рассказал ему историю его спасения. Сам Николай не помнил ничего.

«Да, капитан, отличная физическая подготовка и рефлексы тебя спасли. Ведь ты, можно сказать, в полной отключке кольцо парашюта рванул. Прямо над деревьями! Купол и раскрыться не успел. Лесок тебя спас! И отделался, считай, лёгким испугом. Кусками плекса от «фонаря» порезало малость, а так – целёхонек! Сотрясение, правда, есть и сильное. Ну, это в порядке вещей. А вот зрение со слухом – резко снизились, но, со временем, всё должно

прийти в норму. Летать, конечно, пока не сможешь, но в строй вернём! Благодарю матушку-пехоту, что нашла тебя, а главное – своего ангела-хранителя!» – врач потрепал его по плечу и уже было пошёл, но вдруг остановился что-то вспомнив.

«Дырявая голова! Чуть не забыл! – полез он в карман халата. – «Держи, это твоё! Когда тебя нашли, ты кулаки так сжимал, что разжать только здесь смогли! А в правом кулаке у тебя был этот значок. Талисман что ли?»

И он подал Николаю круглый, с пятикопеечную монету, значок из жёлтого металла, на котором была изображена фигура сидящей в профиль кошки, покрытая белой эмалью...

Наталья Трушкова

(1940 - 2012)

*Член союза русских писателей
Восточного Крыма с 2011 г.*

Потому что Победа

Солнце было всюду: в небе, в сверкающих окнах домов, в сиянии орденов военных. А главное, оно било сильным, стремительным светом из глаз человеческих. Город тонул в солнце. Огромное, ошеломляющее счастье оглушило девочку. Она видела целующихся людей, слышала смех, рыдания. Но даже сквозь них шла освобождающая душу радость. Война окончилась. Победа!

Девочка смотрела на людей и думала об отце. Взрослые ей говорили: кончится война – папа вернётся домой. Размышления, тем не менее, не отвлекали её от интереснейшей игры – скакать на одной ножке со ступеньки на ступеньку. Парадная лестница, казалось, терпеливо ждала, когда девочка прыгнет неудачно и упадёт. Так и случилось. Поднявшись, она молча потрогала лицо, увидела кровь, закрыла рукой рассечённую бровь и поспешила домой.

Там тоже всё было вверх дном, даже пунктуальная бабушка нарушила распорядок дня и совсем не обращала внимания на Тату (так звали девочку). Тогда она решила заявить о себе каким-нибудь необычным поступком. Удивить бабушку можно было только одним – добровольно вымыть руки перед обедом.

Но вот и руки вымыты, а бабушка не торопится звать. От обиды стало пощипывать в носу. Хотелось есть. Сели за стол и стали болтать. От двоюродной сестрёнки Татки, Любы, девочки в веснушках с каким-то злым носиком, исходило терпеливое ожидание чьего-то промаха. И Татка чувствовала, что рядом не сообщница по шалостям, а та, кто их непременно выдаст взрослым. Но эти внутренние разногласия сейчас не мешали им болтать не только языками, но и ногами, причём, всё сильнее и сильнее.

Девочки увлеклись, и вскоре деревянная лавка, на которой они сидели, закричала умоляюще и угрожающе одновременно. Надо бы остановиться! Но Татка уже испытывала упоение опасностью. Свежая ссадина была не в счёт. Девочка хорошо представляла, что сейчас будет. Лавка перевернётся и они, кувыркнувшись, свалятся на пол. Поднимется шум и крик. Сбегутся взрослые. Любина мать, черноглазая и крикливая, будет визжать, что Татка специально уронила её ребёнка. А Таткина мама расхохочется звонким смехом и утащит её в другую комнату. Потом бабушка, статная, усатая, ласковыми руками вырвет ребёнка из рук «этой легкомысленной особы», так звала она Таткину маму, и поведёт девочку кормить.

Татка всё сильнее раскачивала лавку, как вдруг открылась дверь, и появился военный. Девочка мгновенно уперлась руками в стол и лавка замерла. Босногие девчонки, худые и большеглазые, одинаково открыли рты и восхищённо уставились на вошедше-

го. Военный рассмеялся, поставил чемодан на пол и лукаво спросил:

– А которая из вас моя дочь?

Татка заорала замирающим от ужаса голосом:

– Папа! Это я! – и заревела во весь голос.

Но тут же была подхвачена сильными руками. Отец смеялся и подбрасывал её ещё и ещё. Татка барахталась в его руках, потом крепко обняла папу и не отпускала даже тогда, когда прибежали мама и бабушка. И он всех обнимал вместе с Таткой. Правда, бабушка потихоньку стыдила её:

– Слезь с рук, бесстыдница! Отец устал с дороги. Совести у тебя нет!

Но Татка молчала и делала вид, что не слышит. А когда все сели за стол, он снова взял её себе на колени. Все смотрели на папу и все хотели с ним разговаривать. И он смеялся, отвечая взрослым что-то, а потом наклонялся, гладил её по кудрявым русым волосам и спрашивал:

– Ну, правильно я говорю, дочка?

И она отвечала гордо и важно:

– Правильно!

Потом почему-то все стали грустными и стали куда-то собираться. И Татка снова вцепилась в отцовский рукав. Шли долго, и пришли к горе, которая стояла посреди города. Татка подумала, вот бы папа взял меня на руки и понёс на гору, а то я устану, и бабушка будет ругать меня. Папа как будто услышал, поднял её на руки и понёс. Подниматься нужно было долго, бабушка запыхалась, её жалели. А мама стояла рядом и смотрела на отца,

он ей улыбался. Татка давно заметила: кто бы долго ни смотрел на маму, всегда начинал улыбаться, потому что она весёлая и красивая. Потом они взобрались на самую макушку горы. Она была круглая и зелёная от молодой травы. С горы был виден город, только дома казались маленькими и почти все было разрушены. Там, в развалинах, мальчишки играют в войну и проходить страшно: камни так и свистят. А с высоты казалось, что кто-то строил из кубиков дома, а потом пришёл злой человек, пнул ногой и они развалились. Бабушка плакала:

– Что с городом сделали, сынок! Весь разрушили. Ты только посмотри!

Отец молчал. Лицо у него стало твёрдое, как из камня. А ещё он увидел на горе памятник и подошёл к нему. Бабушка встала на колени перед памятником, прижалась головой и стала приговаривать:

– Родные наши! Сколько же вас здесь лежит!..
– Она плакала и гладила каменный памятник.

Папа подошёл, тоже погладил памятник и сказал:

– Спят. Отвоевались. Но они – победители. А город, мама, мы отстроим, выстроим заново. Мы ведь молодые, сильные. И он будет красивее прежнего.

* * *

С тех пор прошло много лет. Татка сама стала бабушкой, и в День Победы она привела на гору свою маленькую внучку. Они стояли на самой вершине горы. Дул сильный ветер. И словно спаса-

ясь от него, к обелиску прижались старые пушки. На их стволах беспечно ворковали голуби. Корзины с цветами окружали памятник. А по склону горы поднимались и поднимались люди. Много людей. Они несли цветы.

– Бабуля! Смотри, сирень, – её внучка, толстущка Ниночка, теребила за платье бабушку, заглядывала ей в лицо.

Но бабушка молчала, она ничего не слышала. Смотрела вниз, на город. Он раскинулся по обе стороны горы. Дымил трубами заводов, голубел сиренью, белел маленькими домами.

На окраинах поднимались девятиэтажки. Город рос. Волнистая гряда холмов – древние сто курганов, обнимали его. Внизу, в бухте, синело море. Белые яхты летали наперегонки с чайками.

А у самого мола строго стояли военные корабли, украшенные разноцветными праздничными флажками.

Литературно-художественное издание

Память сердца

сборник произведений керченских авторов
посвящается 70-летию
освобождения г. Керчи
от немецко-фашистских захватчиков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Храмкова Л.В.

Вдовенко А.Н.

Левченко Т.В.

Молодцов С.В.

Составитель сборника: Молодцова М.В.

Обложка: фотокомпозиция Молодцов С.В.

Фотоиллюстрации: фотоархив периода ВОВ и фото
современной Керчи.

вёрстка, макет, дизайн: Т. В. Левченко

стихотворение Память сердца на титульном листе –

автор: М. Молодцова

Издано по инициативе

Керченского творческого объединения

Союза русских писателей Восточного Крыма

Формат 84x108 1/32. Заказ № 85

Усл.-печ. л. 2,5 . Тираж 100экз.

Бумага офисная. Печать цифровая

Дизайн, макет Татьяна Левченко

«Керченское городское литературное
объединение «Лири Боспора»

